Пойди поставь сторожа

Автор:
Харпер Ли

Пойди поставь сторожа

Харпер Ли

Продолжение легендарного романа Харпер Ли «Убить пересмешника…»

…Непростые тридцатые годы остались в прошлом. На смену им пришли «золотые» пятидесятые. Выросли дети, состарились взрослые. Повзрослевшая Джин-Луиза возвращается в родной город навестить больного отца. Но что ждет ее там? Как изменились те, с кем прошло ее детство?..

Харпер Ли

Пойди поставь сторожа

Памяти мистера Ли и Элис

Harper Lee

Set a Watchman

Перевод с английского А.С. Богдановского

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Andrew N?rnberg.

© Harper Lee, 2015

Часть I

1

После Атланты она стала смотреть в окно с наслаждением почти физическим. Сидя с чашкой утреннего кофе в вагоне-ресторане, следила взглядом, как остаются позади последние холмы Джорджии и наплывает красная земля, а на земле – крытые железом дома посреди чистеньких дворов, а во дворах – неизбежная вербена в кадках из старых беленых покрышек. Заулыбалась во весь рот, заметив на крыше облезлого негритянского домика первую телеантенну, и чем гуще они шли, тем радостней было на душе.

Джин-Луиза Финч домой обычно летала, но в это, уже пятое по счету ежегодное путешествие из Нью-Йорка в Мейкомб отправилась поездом. Во-первых, в прошлый раз она до смерти перепугалась: пилот выбрал путь через торнадо. Во-вторых, отцу уже семьдесят два, не годится ему вставать в три часа ночи и мчаться сто миль, чтобы встретить ее в Мобиле, тем более что потом еще целый день работать.

Она не жалела, что предпочла железную дорогу. Со времен ее детства поезда стали совсем другими, и она тешилась новыми впечатлениями: от нажатия кнопки в стене откуда ни возьмись возникал тучным джинном проводник; из другой стены по ее велению выдвигалась стальная умывальная раковина, имелся стульчак с удобными подпорками для ног. Она решила не поддаваться на угрозы инструкций, развешанных в одноместном купе тут и там, за что и поплатилась: ночью, ложась спать, пренебрегла советом ПОТЯНУТЬ РЫЧАГ ВНИЗ ДО УПОРА и оказалась зажата как в капкане между полкой и стеной, так что вызволять ее пришлось проводнику – к немалому смущению пассажирки,

поскольку спать она любила в одной пижамной куртке.

Он, к счастью, как раз совершал обход своих владений и в ту минуту, когда ловушка сработала, оказался возле купе.

– Сейчас-сейчас, мисс, – сказал он, услышав, как она колотит по полке.

– Нет-нет! – закричала она. – Просто объясните, как мне выбраться.

– Да я спиной стану, а вытащить вытащу, – пообещал проводник. И обещанное исполнил.

Она проснулась, когда на сортировочной в Атланте вагон прицепляли к другому составу, и, вняв еще одному предупреждению, не вставала, пока за окном не промелькнул Колледж-парк. Потом надела то, в чем собиралась ходить в Мейкомбе, – серые брючки, черную блузку без рукавов, белые носки и белые же мокасины. И услышала, как неодобрительно фыркнула тетушка, хотя до встречи с ней было еще четыре часа езды.

К четвертой чашке кофе экспресс «Кресент Лимитед», гоготом гигантского гуся приветствуя собрата, летевшего встречным курсом на север, уже грохотал через Чаттахучи в глубь Алабамы.

Чаттахучи – река широкая и тихая. Мутная вода в ней сегодня стояла низко, и по желтой песчаной отмели не текла, а сочилась. Может, она поет зимой – было такое стихотворение, как же там? «Шел я девственной долиной»? Нет, не то. Не он ли еще писал про водоплавающих – или там было про водопад?[1 - Героиня путает произведения трех разных авторов: стихотворение «Песня реки Чаттахучи» (Song of Chattahoochie, 1877) американского поэта и музыканта Сидни Клоптона Ланира (1842–1881) со вступлением к «Песням невинности» (Songs of Innocence, 1789) английского поэта Уильяма Блейка (1757–1827), а стихотворение «К водоплавающим» (To a Waterfowl, 1818) американского журналиста и поэта-романтика Уильяма Каллена Брайанта (1794–1878) – с ранним рассказом Ланира «Три водопада» (Three Waterfalls, 1867). – Здесь и далее примеч. пер.]

Она решительно подавила ехидный смешок, вдруг подумав, что этот самый Сидни Ланир, вероятно, смахивал на ее давно покойного кузена Джошуа

Синглтона Сент-Клера, чьи литературные заказники простирались от Черного пояса до Байю Ла-Бэтри. Тетушка не допускала ни слова критики в его адрес, твердя, что кузен – пример и образец, гордость семьи, идеал мужчины, поэт, похищенный смертью в расцвете дарования, и Джин-Луизе не следует забывать, какая это высокая честь – быть с ним в родстве. Да и как же не гордиться, если, по фотографиям судя, кузен был копия – правда, сильно ухудшенная – Алджернона Суинберна[2 - Алджернон Чарлз Суинберн (1837–1909) – английский викторианский поэт.].

Джин-Луиза улыбнулась про себя, припомнив, что отец рассказывал ей и про то, чем эта история кончилась. Цветущее дарование в самом деле было пресечено безвременно – но не Божьей волей, а кесаревыми слугами.

В университете кузен Джошуа слишком усердно учился, слишком много думал и самый образ свой вычитал из романов XIX столетия. Питал пристрастие к крылаткам и к ботфортам, сшитым по его собственным рисункам. Разобидевшись на власти, он несколько раз выстрелил в ректора университета – ректору этому, по мнению Джошуа, подобало бы не университет возглавлять, а выгребные ямы чистить. Это было сущей правдой, но не служило смягчающим обстоятельством при покушении на убийство с применением огнестрельного оружия. За немалые деньги дело удалось замять – и кузен Джошуа, признанный невменяемым, переместился из исправительного учреждения штата в учреждение лечебное, где и оставался до конца дней своих. Рассказывали, что он был во всех отношениях нормален, если при нем не упоминали ректора, – но если упоминали, он, страшно перекосив лицо, часов на восемь, а то и больше по-журавлиному замирал на одной ноге, и пока не забывал про своего недруга, ни за что на свете не желал переменить позу. Когда наступало просветление, кузен Джошуа читал древних греков и писал стихи, тоненький сборник коих напечатал за свой счет в Таскалусе. Поэзия его настолько опережала свое время, что и поныне осталась темна и туманна, однако эта книжка, как бы ненароком забытая на столе, красуется в тетушкиной гостиной на самом видном месте.

Джин-Луиза рассмеялась вслух и сейчас же оглянулась – не слышал ли кто. Досказывая дочери то, о чем умалчивала тетушка, отец всегда сводил на нет ее рацеи о безусловном, по праву рождения дарованном превосходстве любого отдельно взятого Финча над всеми прочими, и хотя говорил он сдержанно и серьезно, Джин-Луизе неизменно чудилось, что в глубине его глаз посверкивает глумливая искорка – или это всего лишь отсвечивали стекла очков? Бог весть.

Местность за окном, а с ней и поезд полого пошли под уклон, и теперь до самого горизонта виднелись только луга с черными коровами. Она спрашивала себя, почему раньше не понимала, как же тут красиво.

Станция в Монтгомери примостилась на крутой излучине Алабамы, и когда Джин-Луиза вышла на платформу размять ноги, навстречу тусклым маревом, огнями, причудливыми запахами устремилось что-то давнее и милое. Но чего-то не хватает, подумала она. Запаха перегретых букс – вот чего. Человек с ломиком идет вдоль состава. Слышится лязг, потом «ш-ш-ш-ш», вздымаются клубы белого дыма, ты словно попала в кастрюлю с подогревом. А теперь все на мазуте.

Ни с того ни с сего воскрес прежний детский страх. На этой станции она не бывала двадцать лет, с тех пор как еще девочкой ездила с Аттикусом в столицу и в ужасе ждала, что качкий состав вот-вот рухнет в реку вместе с пассажирами. Но поднявшись в вагон, Джин-Луиза об этом позабыла.

Поезд постукивал на стыках, мчась через сосновые леса, и насмешливо загудел, проносясь мимо ползшего по запасным путям ярко-пестрого музейного экспоната с трубой-воронкой на крыше и эмблемой деревообрабатывающей компании на боку. Экспресс «Кресент Лимитед» мог бы проглотить его целиком, и еще бы место осталось. Гринвилл – Эвергрин – Мейкомб-Узловая.

Джин-Луиза заранее предупредила кондуктора, чтобы не забыл выпустить ее, а поскольку он был сильно немолод, угадала, что в Мейкомбе он замашет флажком, как свихнувшаяся летучая мышь крыльями, остановит поезд на четверть мили дальше полустанка, а на прощанье скажет: виноват, мисс, чуть не прозевал. Поезда меняются, а кондукторы – нет. Подшучивать над юными леди на остановках по требованию – профессиональная черта, и Аттикус, который может предсказать поведение любого кондуктора от Нового Орлеана до Цинциннати, встречая дочь, ошибется шагов на шесть, не больше.

Она была дома, в перекроенном под выборы округе Мейкомб, в длину миль семьдесят, в самой широкой части – около тридцати, в пустоши, усеянной крошечными поселками, самым крупным из которых и был собственно Мейкомб, центр округа. Еще относительно недавно он был так отрезан от остальной страны, что иные жители, не ведая, какие политические пристрастия оформились за последние девяносто лет на Юге, продолжали голосовать за республиканцев. Поезда здесь не ходили – станция Мейкомб-Узловая, называемая так из чистой любезности, относилась к округу Эббот, в двадцати

милях отсюда. Автобусы курсировали от случая к случаю и как Бог на душу положит, но федеральное правительство все же пробило через болота пару скоростных автострад, чтобы граждане в случае чего могли эвакуироваться. Впрочем, пользовались дорогами немногие, да и на что они сдались? Кому много не надо, у того всего вдоволь.

Округ и город носили имя полковника Мейсона Мейкомба, редкостной своей самонадеянностью и безудержным своеволием вносившего смуту и разброд в души всех, кто ходил с ним на индейцев-маскоги. Театр его военных действий на севере был слегка холмист, на юге – ровен как стол. Полковник, убежденный, что индейцы не любят сражаться на равнине, в поисках противника шерстил северную оконечность этих краев. Генерал обнаружил, что покуда Мейкомб без толку рыщет по холмам, в каждом сосняке на юге полно притаившихся индейцев, и послал полковнику курьера – индейца из дружественного племени – с приказом следующего содержания: «Поворачивай к югу, так тебя и так». Но Мейкомб, пребывая в уверенности, что это хитрый трюк индейцев, заманивающих его в ловушку (причем во главе их стоит какой-то голубоглазый и рыжеволосый дьявол), дружественного маскоги взял в плен и пошел дальше на север, пока не завел все свое войско в безнадежные дебри, где оно и досидело в немалой растерянности до окончания боевых действий.

Когда минули годы и даже полковник Мейкомб убедился, что депеша все-таки не была подложной, он целеустремленно начал марш на юг, а по дороге повстречал двигавшихся вглубь страны колонистов, которые и сообщили ему, что война с индейцами вроде бы как кончается. Солдаты Мейкомба и колонистки прониклись друг к другу такими теплыми чувствами, что стали предками Джин-Луизы Финч, а полковник, чтобы его деяния уж точно не позабылись, поспешил туда, где потом возник Мобил. Да, история писаная не совпадает с истинной, но таковы факты, многие годы передаваемые из уст в уста и потому известные каждому жителю Мейкомба.

– …ваш багаж, мисс, – сказал проводник.

Джин-Луиза шла за ним из салон-вагона к своему купе. Достала из бумажника два доллара: один – на обычные чаевые, второй – за вызволение прошлой ночью. Разогнавшийся поезд, конечно, свихнувшейся летучей мышью пролетел станцию и остановился в 440 ярдах впереди. Появился кондуктор, ухмыльнулся – виноват, мол, чуть не прозевал. На его ухмылку Джин-Луиза отвечала своей и нетерпеливо подождала, когда проводник опустит желтую ступеньку. Он помог

ей сойти и получил две бумажки.

Отец ее не встречал.

Она повела глазами вдоль путей и на маленьком перроне увидела долговязого человека. Вот он спрыгнул и побежал ей навстречу.

Стиснул медвежьей хваткой, потом немного отодвинул от себя, поцеловал в губы крепко, а вслед за тем – нежно.

– Не здесь, Хэнк, – шепнула она, очень довольная.

– Цыц, девчонка! – сказал он, не давая ей отстраниться. – Захочу – поцелую даже у дверей суда.

Того, кто обладал правом целовать ее даже у дверей суда, звали Генри Клинтон: друг детства, закадычный приятель брата и – если подобные поцелуи продолжатся – будущий муж. Люби кого хочешь, но замуж выходи за своего – эту заповедь она воспринимала инстинктивно. Генри Клинтон был свой, и сейчас сентенция не пугала Джин-Луизу чрезмерной суровостью.

Под руку они направились вдоль путей за ее чемоданом.

– Как там Аттикус? – спросила она.

– Сильно корежит сегодня. Руки… плечи…

– Даже за руль не сесть?

Генри слегка скрючил пальцы:

– Дальше свести не может. Когда с ним такое, мисс Александра шнурует ему башмаки и застегивает рубашку. Ему и не побриться даже самому.

Джин-Луиза покачала головой. Она прожила на свете достаточно, чтобы не сетовать на несправедливость судьбы, но слишком мало, чтобы безропотно

смириться с деформирующим артритом у отца.

– Неужели с этим ничего нельзя сделать?

– Нельзя, сама же понимаешь, – сказал Генри. – Принимает по семьдесят гран аспирина в день – вот и все лечение.

Он поднял тяжелый чемодан, и они пошли к машине. Джин-Луиза думала, как бы она себя вела, если б изо дня в день что-то болело. Уж наверно, не так, как Аттикус: спросишь, как он себя чувствует, – ответит, но жалобы не услышишь; характер у него остался прежний, а потому хочешь узнать, как он себя чувствует, – спроси.

Генри и сам узнал случайно. Однажды в судебном архиве, где они искали какие-то купчие или закладные, Аттикус снял с полки тяжелый том документов, вдруг побелел и выронил его. «Что с вами?» – спросил Генри. «Ревматоидный артрит. Подними, будь добр», – ответил Аттикус. Генри спросил, давно ли; Аттикус сказал, что с полгода. А Джин-Луиза знает? Нет пока. Так надо бы ей сказать. «Если скажешь, она примчится и начнет кормить меня с ложечки. Тут одно лечение – не поддаваться». Тем дело и кончилось.

– Хочешь за руль? – спросил Генри.

– Еще чего, – ответила Джин-Луиза. Она недурно водила автомобиль, но терпеть не могла любые механические устройства сложнее английской булавки: от необходимости разложить шезлонг впадала в тяжелое бешенство, так и не научилась ездить на велосипеде или печатать на машинке, а рыбу ловила обычной удочкой. И любила гольф – за то, что там ничего не нужно, кроме клюшки, мячика и настроя.

С лютой завистью смотрела она, как легко Генри управляется с машиной, и думала, что техника рабски ему покорна. Потом спросила:

– Гидроусилитель? Коробка-автомат?

– И никак иначе.

– Ты лучше скажи, что будешь делать, если заклинит коробку передач? На буксире поедешь? Плохо будет твое дело, а?

– Не заклинит.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, я верую. Сядь поближе.

Святая вера в могущество «Дженерал Моторе». Джин-Луиза придвинулась и положила голову Генри на плечо. И спросила:

– Хэнк, а все же… что там на самом деле было?

Это была их старая шутка. У Генри из-под правого глаза к крылу носа и наискось через верхнюю губу тянулся розовый шрам. Шесть передних зубов были вставные, и даже Джин-Луиза не могла упросить его, чтоб вытащил и показал. Он таким вернулся с фронта. Какой-то немец – в основном с досады, что война кончается так, а не иначе, – врезал ему прикладом по лицу. Джин-Луиза предпочитала думать, что это выдумка: когда есть орудия, бьющие за горизонт, бомбардировщики B-17, «фау» и прочее, Генри вряд ли сближался с немцами на дистанцию плевка.

– Ладно, – ответил он. – Тебе одной скажу: мы сидели в Берлине, в винном погребке. Все сильно перебрали, ну и сцепились – ты ведь хочешь, чтоб выглядело правдоподобно? Ну, теперь выйдешь за меня?

– Пока нет.

– Почему?

– Хочу быть как доктор Швейцер[3 - Альберт Швейцер (1875–1965) – выдающийся гуманист, богослов, врач, музыкант и музыковед; защитил диссертацию по философии, изучал теорию музыки и играл на фортепиано и органе, а затем в 1905 г. решил посвятить жизнь медицине и поступил на медицинский факультет.] и играть до тридцати.

– Да уж, он играл будь здоров, – сказал Генри жестко.

Джин-Луиза поерзала под его рукой.

– Ты ведь понимаешь.

– Понимаю.

Среди молодых людей Мейкомба Генри Клинтон считался фаворитом. И Джин-Луиза не спорила. Родом он был с юга округа. Отец ушел из семьи вскоре после его рождения, мать день и ночь пласталась в своей лавке на перекрестке, чтобы Генри окончил городскую школу. Лет с двенадцати он снимал себе жилье напротив Финчей, и одно это возносило его над остальными: сам себе хозяин, никто ему не указ – ни повара, ни садовники, ни родители. Кроме того, он был на четыре года старше – разница в таком возрасте значительная. Он ее дразнил, она его обожала. Когда ему было четырнадцать, мать умерла, почти ничего ему не оставив. Аттикус Финч распоряжался невеликими деньгами, вырученными от продажи ее лавки, – большая часть ушла на похороны, – тайком поддерживал деньгами собственными и после школы устроил Генри продавцом в супермаркет «Джитни Джангл». Генри доучился, ушел в армию, а после войны поступил в юридический колледж.

Примерно тогда же умер брат Джин-Луизы, а когда отступил кошмар, Аттикус, думавший передать дела сыну, принялся искать среди местных молодых людей достойного преемника. Вполне естественно выбор пал на Генри, ставшего для Аттикуса и глазами, и руками, и ногами. И уважение Генри к Аттикусу вскоре переросло в душевную сыновнюю привязанность.

А вот к Джин-Луизе чувства его были не вполне братские. Пока он воевал и слушал лекции, она из своевольной девчонки в комбинезоне и с ружьем превратилась во что-то мало-мальски похожее на человека. Хотя носилась она по-прежнему как тринадцатилетний сорванец и терпеть не могла прихорашиваться и наряжаться, от нее исходил мощный ток женственности – Генри вскоре влюбился, но на ухаживанья у него были лишь те две недели, что она ежегодно проводила дома. Она была и легкомысленна, и легка на подъем, но сказать, что с ней было легко, значило бы сильно погрешить против истины. Неугомонная переменчивость ее натуры и озадачивала, и беспокоила его, но одно он знал твердо: Джин-Луиза – то, что ему надо. Он не даст ее в обиду, он

возьмет ее в жены.

– Не надоело тебе в Нью-Йорке? – спросил он.

– Нет.

– Дай мне свободу действий на эти две недели, и я сделаю так, что возвращаться не захочешь.

– Следует ли понимать это как непристойное предложение?

– Только так и следует.

– Тогда иди к черту.

Генри затормозил. Выключил зажигание, повернулся к ней вполоборота. Она знала, что когда он чем-то задет всерьез, его короткий ежик сердито щетинится, лицо наливается кровью, а шрам темнеет.

– Девочка моя, ты, что ли, хочешь, чтобы было по всей форме? Мисс Джин-Луиза, спешу уведомить вас, что мое нынешнее имущественное положение позволяет мне содержать семью. Ради тебя я, как ветхозаветный Израиль, семь лет корячился на виноградниках университета и на пастбищах твоего отца…

– Попрошу Аттикуса прибавить еще семь.

– Сколько же злобы в этой девушке…

– И звали его, между прочим, Иаков, – сказала она. – Ой, нет, вру, это же он и есть. Там на каждом третьем стихе меняются имена. Как, кстати, тетушка поживает?

– Сама прекрасно знаешь, что вот уж тридцать лет – лучше всех. Не увиливай.

Джин-Луиза шевельнула бровями.

– Генри, – чопорно сказала она. – Может, у нас с тобой что и будет, но замуж за тебя я не выйду.

И это заявление полностью соответствовало действительности.

– Когда же ты наконец повзрослеешь, Джин-Луиза! – взорвался Генри и, позабыв последние усовершенствования «Дженерал Моторе», попытался выжать сцепление и нашарить рычаг коробки передач. Не обнаружив ни того, ни другого, яростно крутанул ключ зажигания, ткнул в какие-то кнопки, и большая машина неспешно и плавно двинулась по шоссе.

– Туго соображает, да? – сказала Джин-Луиза. – Для большого города это не очень.

Генри глянул на нее пристально:

– В смысле?

Еще секунда – и они разругаются. Генри настроен серьезно. Надо его взбесить – он тогда замолчит, а она сможет подумать.

– Откуда у тебя этот жуткий галстук? – спросила она.

Итак.

Я его почти люблю. Нет, так не бывает: или ты любишь, или не любишь. В этом мире одну только любовь ни с чем не спутаешь. Разумеется, она бывает разная, но всегда – либо она есть, либо ее нет.

Джин-Луиза была из тех, кто, обнаружив простой путь, непременно выбирает сложный. Простой путь – обвенчаться с Хэнком и сесть ему на шею. Но пройдет несколько лет, подрастут дети – и тут появится человек, за которого надо было выйти. Тогда и начнутся кружение сердца, метания, терзания, долгие переглядывания на ступеньках почтамта – и все будут несчастны. Что останется за вычетом высоких чувств и семейных сцен? Пошлая интрижка, нестерпимо провинциальный адюльтер и собственными руками выстроенный персональный ад, оборудованный новейшей бытовой техникой производства «Вестингауз».

Хэнк этого не заслуживает.

Нет. Пока что она не свернет с каменистой стародевьей стези. А сейчас заключим мир на почетных условиях:

– Милый, ну, прости, прости, пожалуйста. Я напрасно это сказала, – сказала она. И ведь не возразишь: и впрямь напрасно.

– Да нормально все, – ответил Генри Клинтон и потрепал ее по коленке. – Просто иногда я убить тебя готов.

– Я вредная, я знаю.

Генри взглянул на нее:

– Ты у нас с чудинкой. И прикидываться не умеешь.

Она перехватила его взгляд:

– Ты про что?

– Ну, обычно женщины, пока своего не заполучат, сияют улыбками и со всем соглашаются. Мысли свои прячут. А ты – другое дело: если вредничаешь, то уж на всю катушку.

– Но ведь лучше, когда мужчина сразу видит, во что ввязывается?

– Да, но так ты мужа себе не найдешь.

Ответ напрашивался сам собой, но Джин-Луиза успела прикусить язык.

– И как же мне себя вести, чтоб всех очаровывать?

Генри почувствовал себя в родной стихии. К своим тридцати он полюбил давать советы – вероятно, потому что был юристом.

– Прежде всего, – начал он бесстрастно, – держи язык за зубами. Не спорь с мужчиной, особенно если знаешь, что побьешь его в споре. Побольше улыбайся. Покажи ему, какой он значительный. Говори, какой он замечательный, и всячески его обхаживай.

Джин-Луиза ослепительно улыбнулась и сказала:

– Хэнк, я согласна с каждым твоим словом. Я давно не встречала мужчину, наделенного такой редкостной проницательностью, да еще чтоб ростом был шесть футов пять дюймов, позволь дать тебе огоньку? Ну как?

– Ужас.

Мир был восстановлен.

2

Аттикус Финч поддернул левый обшлаг, потом осторожно опустил. Без двадцати два. Иногда – вот и сегодня тоже – он носил две пары часов: карманные с цепочкой, о которую прорезывали зубы его дети, и на запястье. Одни – по старой привычке, другие – чтобы узнавать время, когда скрюченные пальцы не лезли в жилетный карман. Покуда возраст и артрит не ужали его до средних размеров, Аттикус был крупный мужчина. Месяц назад ему исполнилось семьдесят два, но Джин-Луизе всегда казалось, что он застрял где-то в категории «за пятьдесят» – и молодым она его не помнила, и стареть он вроде бы не старел.

Перед его креслом стоял металлический нотный пюпитр, а на пюпитре – «Странное дело Элджера Хисса»[4 - Элджер Хисс (1904–1996) – американский дипломат, сотрудник Госдепартамента, один из создателей ООН, в 1948 г. обвиненный в шпионаже в пользу СССР. Его дважды судили и в 1950 г. приговорили к 5 годам тюремного заключения по обвинению в даче ложных показаний. Через две недели после оглашения приговора с диатрибой против коммунистов в Госдепе выступил сенатор Джозеф Маккарти, с чего и началась его краткая, но блистательная карьера охотника за коммунистами. Впоследствии были преданы гласности советские, американские и другие

документы, более или менее прямо намекавшие на виновность Хисса, однако Хисс до конца жизни отрицал свою причастность к шпионажу Книгу «Странное дело Элджера Хисса» (The Strange Case of Alger Hiss, 1953) написал Уильям Аллен Джоитт (1885–1957), британский юрист и политик-лейборист.]. Аттикус немного подался вперед, чтоб удобнее было негодовать. Человек посторонний не заметил бы его досады, поскольку Аттикус вообще редко ее обнаруживал, но близкий, увидев вздернутые брови и поджатые в ниточку губы, ожидал бы в скором времени услышать скептическое «гм».

– Гм, – сказал Аттикус.

– Что ты, милый? – откликнулась его сестра.

– Не постигаю, как у этого британца хватает дерзости излагать свое мнение по делу Хисса. С тем же успехом Фенимор Купер мог бы взяться за «Романы Уэверли»[5 - Свой первый исторический роман «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» (Waverley; or Tis Sixty Years Since, 1814) Вальтер Скотт (1771–1832) опубликовал анонимно; в последующих его произведениях на исторические темы (1815–1831) указывалось, что они написаны автором «Уэверли».].

– Почему, милый?

– Потому что автор с детским простодушием верит в неподкупность государственных служащих и полагает, что наш Конгресс – то же самое, что их аристократия. Вообще не понимает, что такое американская политическая жизнь.

Сестра всмотрелась в буквы на суперобложке:

– Автора не знаю, – произнесла она, тем самым прокляв книгу навеки. – Не огорчайся. Им пора бы уж приехать, а?

– Да я и не огорчаюсь, Сандра. – Аттикус поглядел на сестру, забавляясь. Невыносима, но не сравнить с тем, что творилось здесь, когда Джин-Луиза торчала дома и страдала. Страдая, она места себе не находила, Аттикус же любил, когда его женщины умиротворенны, а не беспрестанно вытряхивают переполненные пепельницы.

Он услышал, как подъехала машина, как поочередно хлопнули сперва ее дверцы, а потом – входная дверь. Ногами осторожно отодвинул пюпитр, предпринял безуспешную попытку выбраться из глубокого кресла, не опираясь на подлокотники, со второго раза преуспел и только выпрямился, как Джин-Луиза повисла у него на шее. Он вытерпел ее объятие и постарался не сплоховать в ответ.

– Аттикус… – сказала она.

– Хэнк, будь добр, отнеси ее чемодан в спальню, – сказал Аттикус поверх ее плеча. – Спасибо, что встретил.

Джин-Луиза чмокнула тетушку мимо щеки, достала из сумки сигареты, швырнула на диван.

– Как твой ревматизм, тетя?

– Лучше, дитя мое.

– А у тебя, Аттикус?

– Лучше, дитя мое. Как добралась?

– Лучше не бывает, сэр! – и плюхнулась на диван сама.

Хэнк вернулся, сказал:

– Подвинься-ка, – и уселся рядом.

Джин-Луиза зевнула и потянулась:

– Что у вас здесь слышно? Все, что знаю, вычитано между строк в «Мейкомб трибюн». Вы же оба ничего никогда не пишете толком.

– Ты видела извещение, что умер сын кузена Эдгара? – спросила тетушка. – Такая печаль…

Джин-Луиза заметила, как отец и Генри Клинтон переглянулись.

– Вернулся разгоряченный с тренировки, опустошил морозилку в общежитии Каппа Альфа, – пояснил Аттикус. – Потом закусил десятком бананов и запил это все пинтой виски. Через час его не стало. Так что вовсе не печально.

– Ничего себе! – отозвалась на это Джин-Луиза.

– Аттикус! – сказала тетушка. – Как ты можешь! Это же мальчик кузена Эдгара!

– В самом деле ужасно, мисс Александра, – сказал Генри.

– Кузен Эдгар все еще за тобой ухаживает, тетя? – спросила Джин-Луиза. – Глядишь, все же посватается – через одиннадцать-то лет.

Аттикус предостерегающе вскинул брови. Он видел, как бес вселяется в Джин-Луизу, подчиняет ее себе: брови у нее вздернулись, глаза в тяжелых веках округлились, и уголок рта опасно приподнялся. Когда у нее такое лицо, одному Богу да Роберту Браунингу известно, что за фортель она выкинет.

– Что ты такое говоришь?! – возмутилась тетушка. – Эдгар – наш с Аттикусом двоюродный брат.

– На данном этапе это вряд ли имеет значение.

– Ну, как тебе там живется? – поспешно спросил Аттикус.

– Сейчас я желаю знать, как живется здесь. От вас обоих новостей не дождешься. Тетя Сандра, я надеюсь на тебя – за пятнадцать минут дай мне полный отчет обо всем, что случилось за год. – Она похлопала Генри по руке – главным образом для того, чтоб не завел с Аттикусом деловой разговор. Но Генри воспринял это как знак приязни и ответил тем же.

– Ну-у… – начала тетушка. – Ну, про Мерриуэзеров ты наверняка слышала. Очень грустная история.

– Что с ними стряслось?

– Расстались.

– Да ты что?! – вскричала Джин-Луиза с неподдельным изумлением. – Неужто разошлись?

– Разошлись, – кивнула тетушка.

Джин-Луиза обернулась к отцу:

– Быть не может! Мерриуэзеры! Сколько же они прожили вместе?

Аттикус, припоминая, возвел взор к потолку. Он любил точность.

– Сорок два года. Я был у них на свадьбе.

– Мы почуяли неладное, когда в церкви они расселись в разных концах… – сказала тетушка.

– И смотрели друг на друга с ненавистью, – сказал Генри.

– А потом объявились у меня в конторе и попросили начать бракоразводный процесс, – сказал Аттикус.

– А ты что? – спросила Джин-Луиза.

– А что я? Начал.

– А мотив какой?

– Супружеская измена.

Джин-Луиза ошеломленно покачала головой. Боже всемогущий, подумала она, не иначе дело в местной воде…

Голос тетушки отвлек ее от этих размышлений:

– Джин-Луиза, ты и в поезде ехала В Таком Виде?

Захваченная врасплох, она не сразу сообразила, что Александра Имеет В Виду.

– А-а, ты вот о чем… Погоди, дай вспомнить… Из Нью-Йорка выехала в чулках, перчатках и туфлях. Переоделась после Атланты.

Тетушка фыркнула:

– Все-таки было бы хорошо здесь одеваться приличней. Не ходить распустехой. А то в городе о тебе превратное мнение. Думают, ты – э-э… из трущоб.

Джин-Луизу слегка замутило. Столетняя война, перемежаемая шаткими перемириями, длилась приблизительно двадцать шестой год, и конца ей не предвиделось.

– Тетя, – сказала Джин-Луиза. – Я приехала всего на две недели и собираюсь просто-напросто тихо и мирно сидеть дома. И очень сомневаюсь, что вообще хоть раз выйду за порог. Я целый год напрягала мозги…

Поднялась и отошла к камину, с неприязнью поглядела на решетку, обернулась:

– Не создастся одно мнение – создастся другое. Ей-богу, здесь не привыкли, что я хожу расфуфыренная. – И добавила терпеливо: – Ты рассуди сама: если я выряжусь как на бал, они скажут – ишь ты, совсем нью-йоркская штучка стала. Теперь ты говоришь, что они подумают, будто мне плевать, что они подумают, если я хожу в штанах. Господи ты боже мой, да весь Мейкомб знает, что я вообще носила комбинезон на голое тело, пока у меня не начались эти дела…

Аттикус позабыл про свой артрит. Наклонился завязать отлично завязанные шнурки, а когда выпрямился, покрасневшее лицо было бесстрастно.

– Ну хватит, Глазастик, – сказал он. – Попроси у тетушки прощенья. Не успела приехать – уже дерзишь.

Джин-Луиза улыбнулась ему. Каждый раз, когда отец хотел выразить ей порицание, он вспоминал ее детское прозвище. И со вздохом сказала:

– Извини, тетя Сандра. Извини, Хэнк. Я просто извелась в дороге, Аттикус.

– Извелась не извелась, а все же веди себя прилично. Тут тебе не Нью-Йорк.

Тетушка Александра поднялась и погасила волны, которыми от этого движения пошли планки корсета.

– Тебя хоть кормили в поезде?

– Кормили, – соврала она.

– Тогда, может, кофе выпьешь?

– С удовольствием.

– Хэнк, а ты?

– Спасибо, мэм.

Тетушка вышла, Аттикусу кофе не предложив.

– Так и не пристрастился? – спросила Джин-Луиза.

– Нет.

– А виски?

– Не пью.

– …не курю, женщинами не увлекаюсь?

– Примерно так.

– И не скучно тебе?

– Справляюсь.

Джин-Луиза изобразила замах клюшкой для гольфа:

– А с этим как?

– Тебя не касается.

– Клюшку-то удержишь?

– Да.

– Раньше ты играл прилично для слепца.

– Я никакой не… – сказал на это Аттикус.

– …если не считать, что ты не видишь.

– Не затруднит ли вас подкрепить свое утверждение доказательствами?

– Разумеется, сэр. Завтра в три вас устроит?

– Устроит… А-а, нет. У меня встреча. В понедельник? Хэнк, что там у нас в понедельник после обеда?

– Ничего, кроме этой закладной. В тринадцать ноль-ноль, больше часа не займет.

– Ну вот, я к вашим услугам, мисс. На тебя посмотреть – слепые будут поводырями слепцов.

У камина Джин-Луиза обнаружила старую почерневшую клюшку с деревянной рукоятью, давно уже по совместительству исполнявшую обязанности кочерги. Потом выгребла из старинной плевательницы мячи для гольфа, положила ее на бок, выкатила мячи на середину гостиной, а когда начала загонять их обратно, в

гостиной с кофейником, чашками, блюдцами и кексом на подносе появилась тетушка.

– Ты, твой отец и твой брат превратили этот ковер Бог знает во что, – сказала она. – Хэнк, когда я решила привести дом хотя бы в относительный порядок, первым делом выкрасила ковер в самый темный цвет. Ты ведь помнишь, на что он был похож? Черную дорожку отсюда до камина ничем было не вывести…

– Еще бы не помнить, мэм, – ответил Хэнк. – Боюсь, и я приложил к этому руку.

Джин-Луиза поставила клюшку на место, рядом с каминными щипцами, и побросала мячи в плевательницу. Потом села на диван, покуда Хэнк собирал по углам беглецов. Часами могу смотреть, как он двигается, подумала она.

Хэнк подсел к столу, с пугающей стремительностью осушил чашку обжигающего черного кофе и сказал:

– Мистер Финч, мне, пожалуй, пора.

– Погоди, вместе пойдем, – ответил Аттикус.

– Намереваетесь выйти из дому, сэр?

– Непременно. Скажи-ка мне, Джин-Луиза, – спросил он неожиданно, – а о том, что у нас происходит, пишут в ваших газетах?

– Про политику? Ну, каждый раз, как губернатор наглеет и вляпывается, таблоиды поднимают вой. Не более того.

– Нет, про судьбоносное решение Верховного суда.

– А, ты об этом. Ну, если верить «Пост», мы тут, пока не линчуем кого-нибудь, не заснем спокойно, «Джорнал» это вообще не интересует, а «Таймс» до того погружена в думы о вечном, что читать ее скучно до одури. Я вообще ни во что не вникала, кроме бойкота автобусов[6 - Очевидно, речь идет о деле Розы Паркс, чернокожей жительницы Монтгомери, которая 1 декабря 1955 г. была задержана и затем оштрафована за отказ уступить место в автобусе белому

пассажиру, как от нее требовалось по местному закону Это привело к бойкоту негритянской общиной городского транспорта.] и этого дела в Миссисипи. То, что штат не добился обвинительного приговора,[7 - Очевидно, имеется в виду дело об убийстве двумя белыми чернокожего подростка Эмметта Тилла в штате Миссисипи; в сентябре 1955 г. обвиняемых Роя Брайанта и Дж. У. Майлама оправдали, несмотря на веские доказательства в пользу их вины.] – самый крупный наш провал после атаки Пикетта[8 - Джордж Эдвард Пикетт (1825–1875) – генерал армии Конфедерации. 3 июля 1863 г. при Геттисберге по приказу генерала Роберта Э. Ли и вопреки неутешительным прогнозам атаковал наиболее укрепленные центральные позиции северян – атака окончилась провалом, из 15 тысяч южане потеряли 6,5 тысяч убитыми, ранеными и пленными.].

– Это правда. Газеты, надо полагать, оттоптались от души?

– Как с цепи сорвались.

– А что Ассоциация?[9 - Имеется в виду Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (National Association for the Advancement of Colored People, NAACP, с 1909), проводившая активную кампанию против расовой сегрегации, в результате чего в 1954 г. Верховный суд США объявил сегрегацию незаконной, а в 1964 г. Конгресс принял закон о гражданских правах.]

– Про них я ничего не знаю, кроме того, что там у них какой-то полоумный клерк в прошлом году отправил мне серию рождественских марок. Я их лепила на все открыточки. Кузен Эдгар получил?

– Ну как же! Получил и выдвинул ряд предложений касательно того, что именно я должен с тобой сделать, – широко улыбнулся Аттикус.

– Например?

– Например, отправиться в Нью-Йорк и надрать тебе уши. Кузен Эдгар вообще тебя не одобряет. Считает, ты чересчур независима.

– Старый надутый сомище. У него всегда было плоховато с юмором. Ну ведь натуральный сом: и эти усищи с бакенбардами, и пасть. Небось считает: в Нью-Йорке жить – во грехе закоснеть. Ipso facto[10 - В силу самого факта (лат.).].

– По сути дела, да. – Аттикус выбрался из кресла и дал знак Генри.

Тот обернулся к Джин-Луизе:

– В семь тридцать, как договорились?

Она кивнула, потом искоса взглянула на тетушку:

– Я пойду в брюках, ладно?

– Нет, не ладно.

– Дай тебе бог здоровья, Хэнк, – сказала Александра.

3

Несомненно, Александра Финч Хенкок производила внушительное впечатление в любом ракурсе и с тыла была столь же монументальна, сколь и с фасадной части. Джин-Луиза часто гадала (но вслух не спрашивала), откуда тетушка добывает свои корсеты. Они возносили ее бюст на головокружительную высоту, сужали талию, плавным раструбом расширяли бедра и намекали, что в другой жизни тетушка Александра была песочными часами.

Никому из родственников не удавалось так блистательно доводить Джин-Луизу до белого каления, как сестре ее отца. И нельзя сказать, что тетушка относилась к ней слишком уж сурово – она вообще была добра ко всякой земной твари, помимо кроликов, которых травила, чтоб не смели объедать ее азалии, – но умела превратить жизнь племянницы в сущий ад, находя для этого и время, и место, и повод, и способ. Теперь, когда Джин-Луиза выросла, спустя пятнадцать минут любого разговора обнаруживалось, что на все на свете взгляды у нее с тетушкой совершенно противоположные – дружба от этого крепнет, а вот между близкой родней воцаряется лишь нестойкая взаимная любезность. Много было в тетушке такого, что на расстоянии в полконтинента втайне восхищало Джин-Луизу, но коробило вблизи и бесследно сходило на нет при первой же попытке

постичь тетушкины резоны. Ибо мисс Александра принадлежала к числу тех, кто проживает жизнь, не расходуя себя: если бы на этом свете выписывали счета за чувства и привязанности, полагала Джин-Луиза, у стойки регистрации в царствии небесном тетушка задержалась бы и потребовала компенсацию.

Если тридцать три года брака и оставили на ней хоть какой-то отпечаток, Александра умело его скрывала. Она произвела на свет сына, который получил имя Фрэнсис, был, по мнению Джин-Луизы, конь конем что наружностью, что манерами и давно покинул Мейкомб, устремясь к сияющим высям страхового бизнеса в Бирмингеме. Как оказалось, все к лучшему.

Замужем тетушка была (и формально оставалась) за Джеймсом Хенкоком, человеком рослым и покладистым: шесть дней кряду он сидел на своем складе хлопка, а в день седьмой отправлялся на рыбалку. Пятнадцать лет назад в одно прекрасное воскресенье из рыбацкого лагеря на реке Тенсо пришел негритенок и передал на словах – мистер Хенкок, дескать, домой не вернется: решил остаться там. Удостоверившись, что другая женщина тут не замешана, тетушка отнеслась к случившемуся с полным безразличием. Фрэнсис счел, что этот крест ему предназначено нести в одиночку, и никак не мог понять, почему Аттикус, хоть и не видится с зятем, но все же поддерживает с ним – пусть и на расстоянии – прекрасные отношения (а не Сделает Что-Нибудь) и почему мать не убита горем от отцовской сумасбродной и посему непростительной выходки. Когда до дядюшки Джимми дошли слухи о сыновнем недовольстве, он опять прислал из своих чащоб гонца с сообщением: мол, если Фрэнсис желает его застрелить, он охотно с ним встретится, а когда Фрэнсис желания не изъявил, пришла и третья депеша такого содержания: «Веди себя как мужчина или заткнись».

Совершенное дядей Джимми клятвопреступление и легчайшим облачком не омрачило безмятежную ясность тетушкиного горизонта: ее угощения в миссионерском обществе по-прежнему были лучшими в городе, еще более бурной стала ее деятельность в трех городских клубах, а когда Аттикус сумел вытянуть из дядюшки некоторую сумму, еще богаче – ее коллекция молочного стекла; короче говоря, Александра презрела мужчин и в их отсутствие жила себе не тужила. И потому даже не заметила, что во Фрэнсисе развились дремавшие до поры чудачества, а выражаясь иначе – приметы малого с мозгами набекрень, и только неустанно радовалась, что сын теперь в Бирмингеме, больше не угнетает ее тиранической преданностью и она, стало быть, не обязана принуждать себя к взаимности, проявить которую так вот за здорово

живешь была неспособна.

Для всех слоев и сословий, что имелись в округе и участвовали в его жизни, тетушка Александра была последней могиканшей, хранительницей заветов: у нее были изысканно-старомодные манеры барышни из хорошей семьи; готовность подпереть любые моральные устои при малейшем на них покушении; склонность к осуждению ближнего своего и неисцелимая страсть к сплетням.

В ту пору, когда она училась в школе, понятие «сомнений» в учебниках не встречалось, поэтому она не ведала, что это такое, и при первой же возможности неустанно пользовалась исключительными правами, положенными ей по рангу, – устраивать, советовать, предупреждать, предостерегать.

И понятия не имела, что одним неосторожным словом могла повергнуть Джин-Луизу в смятение, заставить племянницу усомниться в истинных мотивах ее поступков и наилучших намерений, подкручивая протестантские, мещанские колки, пока цитрой не зазвенят под пальцами струны совести. Знай тетушка, какие раны ей удается наносить, она с полным правом подвесила бы к поясу еще один скальп, но Джин-Луиза после многих лет тактических занятий в совершенстве изучила противника. Она уже умела давать отпор, но пока не научилась исцелять нанесенные раны.

Последняя стычка произошла, когда умер брат. После похорон они на кухне убирали остатки погребального пиршества, без которого в Мейкомбе на тот свет не провожают. Кэлпурния, старая кухарка Финчей, была в отъезде и, узнав о смерти Джима, не вернулась. А тетушкин натиск в тот вечер был достоин Ганнибала:

– Я все-таки считаю, Джин-Луиза, что тебе пора вернуться насовсем. Сейчас самое время. Ты очень нужна отцу.

Джин-Луиза во всеоружии долгого опыта ощетинилась моментально. Врешь, подумала она. Если бы Аттикус нуждался во мне, я бы знала. А объяснить, как бы я узнала, не могу, потому что к тебе не пробиться.

– Нужна? – переспросила она.

– Да, дитя мое. Нужна. Ты сама, без сомнения, это понимаешь. Я могла бы ничего тебе не говорить.

Говорить мне. Решать за меня. Шлепать своими разношенными туфлями там, куда хода нет никому, кроме нас двоих. У нас с отцом и речи об этом не заходило.

– Тетя, если я нужна Аттикусу, я, конечно, останусь. Но вот прямо сейчас я ему нужна как дырка в голове. Вдвоем в этом доме нам обоим будет только хуже. Он это знает. Я это знаю. И как ты не понимаешь, что если мы не заживем, как жили, пока это все не случилось, нам труднее будет прийти в себя. Не знаю, как тебе втолковать, но уверяю тебя, мой долг перед Аттикусом – делать то, что делаю, и все: жить и устраивать свою жизнь. Аттикусу я понадоблюсь, только если он начнет прихварывать, и тебе прекрасно известно, как я поступлю тогда. Неужели сама не понимаешь?

Нет, она не понимала. Тетушка Александра глядела на мир глазами Мейкомба, а Мейкомб ожидал от всякой дочери исполнения дочернего долга. И ясно, что должна сделать единственная дочь для вдового отца, только что потерявшего единственного сына, – вернуться и зажить одним домом с Аттикусом; вот как поступает дочь, а если не поступает, значит, она не дочь.

– …ты могла бы поступить на службу в банк, а на уик-энды ездить к морю. В Мейкомбе сейчас собралось приятное общество, много новых молодых людей. Ты ведь, кажется, любишь рисовать?

Любишь рисовать. Интересно, как, по мнению тетушки, она проводит вечера в Нью-Йорке? Примерно как кузен Эдгар в Мейкомбе? Каждый вечер в восемь собирается Лига любителей искусств: юные леди делают наброски, рисуют акварелью, пишут прозу. Для мисс Александры художники и писатели разительно отличаются от тех, кто увлекается живописью или сочинительством, – разительно и неприятно.

– …на побережье столько красивых мест, а по субботам и воскресеньям мы бы тебя отпускали.

О-о, черт. Как она умеет подгадать, когда я не в себе, и развернуть предо мной мои лучезарные дали. Ни малейшего представления о том, что творится в голове

у родного брата, у меня в голове – у кого угодно в голове. Господи Боже, отчего лишил ты нас дара что-либо втолковать тетушке Александре?

– Знаешь, очень просто объяснять человеку, что ему надо делать…

– Но очень трудно его заставить. Едва ли не все беды в нашем мире проистекают от того, что люди не делают, что им говорят.

Ну, значит, решено и подписано. Джин-Луиза останется дома. Тетушка сообщит Аттикусу, и не будет на белом свете человека счастливей.

– Тетя, я не останусь дома, а если б осталась, не было бы на белом свете человека несчастней Аттикуса… Но ты не тревожься – он все понимает, а если ты возьмешься за дело с душой, то и весь Мейкомб поймет.

Но неожиданно последовал удар ножа, и клинок вонзился глубоко:

– Джин-Луиза, до последнего часа твоего брата тревожило, как безалаберно ты живешь.

Вечер жаркий, на могилу тихо падают мелкие капли дождя. Ты никогда этого не говорил, ты этого даже не думал; если бы подумал – сказал бы. Мне ли не знать тебя? Спи спокойно, Джим.

Она подсыпала соли на рану: да, я живу безалаберно. Я думаю только о себе, я потакаю своим прихотям, я слишком много ем, я чувствую себя ходячим молитвенником. Господи, прости меня, я не делаю, что должна, и делаю, чего не должна… ах, чтоб тебя!

И она вернулась в Нью-Йорк, мучаясь угрызениями совести, унять которые было не под силу даже Аттикусу.

С тех пор прошло два года; Джин-Луиза перестала корить себя за безалаберность, а тетушка обезоружила ее первым и единственным в жизни великодушным поступком – переехала жить к Аттикусу, когда его скрутил артрит. И благодарность заставила Джин-Луизу склонить голову. Знай Аттикус, о чем говорили его сестра и дочь, он бы их ни за что не простил. Ему и вправду

никто не был нужен, но мысль прекрасная – кому-то ведь надо приглядывать за ним, застегивать ему рубашку, когда руки не слушаются, вести хозяйство. Еще полгода назад с этим справлялась Кэлпурния, но с недавних пор она настолько одряхлела, что Атгикус почти все делал сам, так что, получив почетную отставку, старушка вернулась в негритянский квартал.

– Я уберу, тетя, – сказала Джин-Луиза, увидев, что Александра принялась составлять на поднос посуду. – В такую погоду ужасно хочется спать. – Она поднялась с дивана и потянулась.

– Сиди-сиди, – сказала тетушка. – Что тут убирать – три чашки? Минутное дело.

Джин-Луиза вняла ей и оглядела гостиную. Старая мебель отлично прижилась на новом месте. В соседней столовой на буфете, на фоне светло-зеленой стены сверкали серебром массивный кувшин, поднос и бокалы покойной матери.

Что за человек, подумала она. Очередная глава его жизни дочитана – Аттикус сносит старый дом, в новом квартале строит новый. Я бы так не смогла. Там, где было их прежнее гнездо, теперь кафе-мороженое. Интересно, чье?

Она прошла на кухню.

– Ну что, как там Нью-Йорк? – осведомилась тетушка. – Хочешь еще чашечку, пока я не вылила?

– Спасибо, с удовольствием.

– Да, кстати. В понедельник утром созываю всех на кофе.

– Тетя-я! – чуть не взвыла Джин-Луиза. Таков был примечательный обычай в Мейкомбе: в дом к девушке, вернувшейся в отчий край, приглашали гостей и угощали их кофе. В половине одиннадцатого их усаживали на всеобщее обозрение, дабы захрясшие в Мейкомбе сверстницы могли на них посмотреть. В таких условиях у детских дружб было мало шансов заиграть новыми гранями.

Джин-Луиза со школьными подружками связей не поддерживала и вовсе не горела желанием узнать, как там у них сложилась жизнь. Школу она вспоминала

с отвращением как худшее время жизни, к женскому колледжу сентиментальных чувств решительно не питала, и ничем нельзя было досадить ей сильней, чем играми в «А ты помнишь Такого-то?»

– Перспектива наводит на меня смертельный ужас, – сказала она, – но от чашечки кофе я бы не отказалась.

– Я так и думала, дитя мое.

Джин-Луиза почувствовала прилив нежности. Она в неоплатном долгу перед Александрой, согласившейся перебраться к Аттикусу. А она, мерзавка, все язвила по адресу тетушки, беззащитной, несмотря на броню корсетов, и к тому же наделенной неким врожденным достоинством, которого никогда не будет у Джин-Луизы. Тетушка и в самом деле была последней могиканшей. Ее даже краешком не затронула ни одна война, а тетушка пережила три; ничто не могло поколебать прочность ее мира, где джентльмены курят на крыльце или лежа в гамаке, а дамы тихонько обмахиваются веерами и пьют холодную воду.

– Как дела у Хэнка?

– Дела у него превосходны. Ты, наверно, знаешь – Киванис-клуб объявил его Человеком Года. Вручили такой чудный диплом.

– Нет, я не знала.

Звание «Человек Года» по версии Киванис-клуба было в Мейкомбе послевоенным новшеством и значило обычно «молодой человек далеко пойдет».

– Аттикус был так горд. Говорит, Генри еще не вполне понимает значение слова «контракт», но в налогах разбирается прекрасно.

Джин-Луиза усмехнулась. Отец утверждал, что выпускнику юридического колледжа нужно еще пять лет, чтобы изучить право: два года – на экономику, еще два – освоить принятый в Алабаме порядок подачи кассаций и еще год – чтобы перечесть Библию и Шекспира. После этого человек полностью оснащен и ему ничего не страшно.

– А что ты скажешь, если Хэнк станет твоим племянником?

Александра, вытиравшая руки посудным полотенцем, замерла. Повернулась, пристально взглянула на Джин-Луизу:

– Ты серьезно?

– Не исключено.

– Не торопись, дитя мое.

– Не торопиться? Мне двадцать шесть, тетя, а Хэнка я знаю с рождения.

– Да, но…

– Что такое? Он тебе не нравится?

– Не в этом дело… Ты пойми, флиртовать с молодым человеком – одно, а выйти за него замуж – совсем другое. Тут следует принять в расчет все. Происхождение Генри…

– …точно такое же, как мое. Мы с ним из одного курятника.

– У него в роду были алкоголики…

– У кого их не было?

Александра выпрямила стан:

– У Финчей.

– Это верно. У нас все просто полоумные.

– Ты сама знаешь, что это неправда.

– Кузен Джошуа, скажешь, был не чокнутый?

– Тебе прекрасно известно, что тут виной другая ветвь. Послушай меня, деточка, во всем округе нет юноши достойней и приятней Генри Клинтона. Однажды он составит чье-то счастье, но…

– …но для наследницы рода Финчей недостаточно хорош, да? Милая моя тетушка, это все сгинуло после Французской революции… или началось, не помню точно.

– Я вовсе не это имела в виду. А просто в делах такого рода надо быть осторожнее.

Джин-Луиза улыбалась, но линии ее обороны были приведены в боевую готовность. Опять начинается. О господи, и зачем я это ляпнула. Убить меня мало! Тетушке Александре только дай волю – с нее станется подыскать Генри где-нибудь в Уайлд-Форк чистенькую хорошенькую телушку в образе человеческом да еще благословить их детей. Знай свое место, Генри Клинтон.

– Я, ей-богу, в толк не возьму, куда уж тут осторожнее. Аттикус хотел бы, чтобы Хэнк вошел в семью. Рад был бы до смерти.

Да, это так. Аттикус Финч с доброжелательным бесстрастием наблюдал, как Хэнк коряво ухаживает за его дочерью, советовал, когда просили совета, но всячески показывал, что его дело сторона.

– Аттикус – мужчина. Он в этом не разбирается.

У Джин-Луизы даже зубы заныли.

– Да в чем «в этом», тетя?

– Послушай меня, деточка. Какой судьбы ты бы желала для своей дочери? Разумеется, самой счастливой. Ты пока этого не понимаешь, как и большинство девушек твоего возраста… Что бы ты сказала, если б твоя дочь собралась замуж за человека, чей отец бросил их с матерью, а потом спился и умер где-то на железнодорожных путях в Мобиле? Кара Клинтон была добрейшей души

человек, жизнь ей досталась тяжелая, об этом можно только пожалеть, но ты ведь намереваешься связать свою судьбу с плодом такого союза. Тут семь раз отмерить надо.

Семь раз отмерить, ага. Джин-Луиза увидела, как поблескивает золотая оправа очков на брюзгливом лице, обрамленном буклями парика, воздетый костлявый перст. И продекламировала:

Последний шанс. Нас уверял ответчик,

Что он, напившись, может и влепить.

Ну, что ж, коллеги. Суд идет навстречу.

Вот пусть и влепит. Здесь, сейчас… Споить!!![11 - Реплика Судьи из комической оперы «Суд присяжных» (Trial by Jury 1875) У. Ш. Гилберта и Артура Салливана, пер. Ю. Димитрина.]

Александра восторга не выказала. Наоборот, была до крайности удручена. И решительно не желала понимать нынешнюю молодежь. И не то чтобы молодежь нуждалась в понимании – в каждом поколении молодые люди одинаковы, – но эта дурашливость, это легковесное отношение к важнейшим вопросам, от которых, может быть, зависит человеческая судьба, раздражали ее чрезвычайно. Племянница вот-вот сделает непоправимый шаг, совершит главную ошибку своей жизни, а вместо того чтобы осознать серьезность последствий, валяет дурака и строит насмешки. Вот что значит – остаться без матери. Аттикус с двух лет предоставлял ей полную волю, девочка росла как трава – нечего удивляться тому, что выросло. Она просто обязана привести племянницу в чувство, причем немедленно и крутыми мерами, не то будет поздно.

– Джин-Луиза, – сказала она. – Придется напомнить тебе кое-какие истины. Подожди, не перебивай. – Александра простерла руку, призывая к молчанию. – Я уверена, ты и сама это знаешь, однако так привыкла все вышучивать и над всем глумиться, что кое на что просто не обращаешь внимания. Живешь в Нью-Йорке, а разума – как у младенца. Генри Клинтон тебе не пара и парой никогда не будет. Мы, Финчи, не можем породниться с голытьбой и белой швалью, а родители его именно таковы и были. И хотелось бы назвать их иначе, да нельзя. Генри более или менее выбился в люди лишь благодаря Аттикусу, который его тянул и тащил, и еще потому, что случилась война, а ветеранам обучение

бесплатно. Какой бы славный он ни был, плебейство не спрячешь и не отскоблишь. Ты, может быть, не обращала внимания, что он облизывает пальцы, когда ест торт? Это оно. Тебе не бросается в глаза, что он кашляет, не прикрывая рот? И это оно. А ты знаешь, что в университете он очень некрасиво поступил с одной девушкой? То же самое. А ты ни разу не замечала, как он ковыряет в носу, думая, что его никто не видит? Оно…

– Это не плебейство, а мужское начало, – сказала Джин-Луиза мягко, хотя внутри у нее все кипело. Надо выждать немного – и к тетушке вернется доброе расположение духа. Она-то никогда не сорвется, не опустится до грубости, а вот я – уже на грани. Она не унизится до перебранки, как это бывает с Хэнком и со мной. Не знаю, кто она, но, ей-богу, пусть лучше замолчит, а не то я подкину ей пищу для размышлений…

– …и в довершение всего он уверен, что Аттикус на своем горбу вывезет его к успеху. Метит на его место в церковном совете, пытается за его счет расширить свою практику, колесит по всей округе на его машине. И ведет себя так, словно этот дом уже принадлежит ему… И что же Аттикус? Да ничего. Принимает как должное. Более того, ему даже нравится. А в городе только и разговоров, что Генри Клинтон прибирает к рукам все, что у Аттикуса есть…

Пальцы Джин-Луизы, проворно сновавшие по ободку чашки в раковине, замерли. Она стряхнула капли на пол, подошвой растерла по линолеуму.

– Тетя, – сказала она почти нежно, – ты чушь мелешь. Собачью чушь. Заткнись, а?

* * *

Ритуал субботнего вечера возник так давно, что нарушить его было просто немыслимо. Джин-Луиза вошла в гостиную и остановилась перед креслом отца. Откашлялась.

Аттикус отложил «Мобил Пресс» и поднял глаза. Дочь медленно повернулась кругом.

– Ничего не расстегнуто? Швы на чулках посередке? Челочка приглажена?

– Семь часов, и ты при полном параде. Ну что – нагрубила тетушке?

– И не думала даже.

– А она говорит – нагрубила.

– Я, может, выразилась резко, но не ругалась. – Аттикус как-то объяснил своим тогда еще маленьким детям разницу между желанием все называть своими словами и богохульной бранью. Первое он готов был снести, но терпеть не мог, когда к ругани припутывали Господа Бога и поминали черта. И потому ни Джин-Луиза, ни ее брат никогда не чертыхались в его присутствии.

– Мисс Александра достала меня до печенок.

– Зачем ты ей позволила? Что ты сказала?

Джин-Луиза сообщила, что. Аттикус поморщился:

– Пожалуйста, помирись с ней. Она, конечно, умеет плешь проесть нравоучениями, но сердце у нее доброе.

– Она допекла меня Хэнком.

Аттикус был умен и потому оставил эту тему.

Дверной звонок у Финчей обладал мистическими свойствами и умел сообщать о настроении того, кто им воспользовался. И когда раздалось «ди-и-и-инь», Джин-Луиза поняла, что в двери ломится счастливый Генри. И побежала открыть.

Когда он переступил порог, ноздри ее уловили приятно-приглушенный мужской запах, но букет бритвенного крема, табака, нового автомобиля и пыльных книг улетучился, едва Джин-Луиза вспомнила о разговоре на кухне. Она обхватила Генри за поясницу, головой ткнулась ему в грудь.

– Это по какому же такому случаю? – возрадовался Генри.

– Помнишь, был такой генерал Простотак, герой Пиренейских войн? Пошли.

Генри заглянул в гостиную, где в углу сидел Аттикус:

– Обещаю доставить ее не поздно, мистер Финч.

Аттикус помахал ему газетой.

Когда они вышли в темноту, Джин-Луиза задумалась – что сказала бы тетушка Александра, знай она, что племянница как никогда близка к тому, чтобы выйти за «белую шваль».

Часть II

4

Город Мейкомб, штат Алабама, появился на карте благодаря сметливости некоего Синкфилда, который на заре существования округа владел трактиром на перекрестке двух проселочных дорог – только там в этом краю можно было поесть и переночевать. Губернатор Уильям Уайат Бибб, желая способствовать мирному процветанию нового округа, поручил команде землемеров установить его точный центр, чтобы именно там разместить свою администрацию, и не предприми Синкфилд доблестной попытки сохранить свои владения, стоять бы Мейкомбу посреди Уинстонова болота, где ничего интересного сроду не было.

Но случилось иное, и Мейкомб пошел в рост из той точки, где был трактир Синкфилда, потому что оный Синкфилд однажды вечером славно угостил землемеров и уговорил их достать карты, тут чуть подрезать, там малость прибавить и, короче говоря, подогнать центр округа к его хотениям. И когда на следующий день они тронулись со своими картами и планами в обратный путь, в седельных сумах у них было пять кварт виски – по две на брата и одна для губернатора.

Джин-Луиза так и не поняла, мудро ли поступил трактирщик, благодаря которому юный город оказался в двадцати милях от реки – единственной в ту пору транспортной артерии, – и обитатели южной оконечности округа, отправляясь в Мейкомб за покупками, тратили на дорогу по двое суток. По этой причине лет полтораста с лишним Мейкомб не рос. А не захирел лишь потому, что в нем обосновались власти округа. От превращения в очередной грязный поселочек, каких полно в Алабаме, его спасало и то, что здесь водилось немало всевозможных специалистов – и человеку приезжему было где вырвать зуб, починить свой фургон и положить свои деньги, кому излить душу, где полечить захворавшего мула и продлить срок закладной.

Новые люди появлялись здесь редко. Члены одних и тех же семейств вступали в браки с членами одних и тех же семейств, и в итоге родственные узы перепутались безнадежно, а горожане сделались все на одно лицо. Джин-Луиза до Второй мировой состояла в кровном родстве или свойстве едва ли не со всем городом, и это еще были сущие пустяки по сравнению с тем, что творилось на севере округа: там, в поселке Старый Сарэм жили две семьи, причем каждая была вполне себе наособицу, хоть обе и носили, к несчастью, одинаковую фамилию. Канингемы и Конингемы женились друг на дружке, покуда разница в написании фамилии не приобрела умозрительно-академический характер – умозрительный до тех пор, пока какой-нибудь Канингем не вздумает потягаться с Конингемом за некие права собственности и не притянет его к суду Впервые в жизни Джин-Луиза увидела судью Тейлора в полном замешательстве, чтобы не сказать «в тупике», как раз на таком слушании. Джиме Канингем свидетельствовал, что хотя его матушке случалось писать на бумагах свою фамилию через «а», но на самом деле была она Конингем и к тому же не очень в ладах с грамотой да еще имела привычку, сидя на веранде, заглядываться в даль. На десятом часу слушаний и заслушиваний обитателей Старого Сарэма судья Тейлор объявил, что квалифицирует дело как находящееся вне юридического поля ввиду смехотворной неосновательности обоюдных претензий и выразил надежду, что тяжущиеся стороны удовлетворятся предоставленной обеим возможностью публичного высказывания. Стороны удовлетворились. Им, собственно, только того и было надо.

До 1935 года улицы в Мейкомбе не мостили, а когда начали, за что следует сказать спасибо президенту Ф.Д. Рузвельту, начали, строго говоря, не с улицы. Президент отчего-то решил, что примыкающий к зданию средней школы пустырь от крыльца до перекрестка нуждается в благоустройстве, и благо это было соответствующим образом устроено, результатом чего стали множество ссаженных коленок, несколько разбитых голов и категорический директорский

запрет играть на мостовой в «паровозик». Так – семенами в почву – в души Джин-Луизы и ее сверстников были брошены начальные понятия о правах штатов.

Вторая мировая не прошла для Мейкомба даром: вернувшиеся с войны парни вернулись не просто так, а с сумасбродными идеями насчет того, как бы заработать денег и наверстать упущенное время. Они раскрасили фасады отчих домов в убийственно-яркие цвета, они выбелили стены городских лавок и украсили их неоновыми вывесками, они выстроили себе кирпичные домики там, где прежде колосилась пшеница и шумели сосны; они уничтожили прежний облик города. Улицы не только замостили, но и назвали (в честь мисс Аделины Клей появилась Аделина-авеню), но старшее поколение горожан не признавало новшеств – чтобы сориентироваться, им достаточно было дороги, идущей от площади Томпкинса. После войны в Мейкомб со всего округа устремились молодые фермеры-арендаторы, понаставили спичечные коробки деревянных домиков, обзавелись семьями. Никто толком не понимал, чем они живут, однако чем-то ведь жили и, глядишь, даже образовали бы в Мейкомбе новый социальный слой, если бы остальные жители признали их существование.

Да, Мейкомб стал иным, но в новых домах с телевизорами и электродуховками бились прежние сердца. Можно выбелить все, что в голову взбредет, можно приляпать нелепые неоновые вывески – вековые стропила выдержат и это бремя.

– Что, не нравится? – спросил Генри. – Я видел, какое у тебя стало лицо, когда мы вошли.

– Силен, силен во мне дух консерватизма – я же на дух не переношу новых веяний, – ответила Джин-Луиза с полным ртом жареных креветок.

Они с Генри сидели на никелированных стульях в ресторанчике «Мейкомб-отеля» за столиком на двоих. Ровным тихим гудом заявлял о себе кондиционер. – Зато ничем не воняет, и это не может не радовать.

Длинный стол со множеством тарелок, затхлый запах старого дома и горячие волны чада с кухни.

– Хэнк, что это такое – «Повар, тише, в кухне мыши», а?

– Чего-чего?

– Вроде игра была такая?

– Была игра «Тише едешь – дальше будешь». Все бегут, вода оборачивается, кто не успел замереть, тот выбывает.

– Нет, там, кажется, салить надо было.

Никак не вспомнить. Перед смертью, наверно, удастся, но сейчас в памяти мелькал только джинсовый рукав да поспешно выкрикнутое это самое, насчет повара и мышей… А чей же был рукав и что стало с тем, кому он принадлежал? Должно быть, пестует свое семейство в одном из новых домиков… Странное чувство – как будто время течет мимо, не задевая.

– Хэнк, давай съездим на реку, – сказала Джин-Луиза.

– Ну а как же нам не съездить на реку? – улыбнулся Хэнк. Он сам не знал, почему так получается, но как только Джин-Луиза попадала на «Пристань Финча», она становилась больше похожа на себя прежнюю: словно тамошний воздух так на нее действовал. – Ты прямо Джекил и Хайд, вот ты кто.

– Ты слишком много пялишься в телевизор.

– Иногда мне кажется – ты у меня вот где. – Генри сжал кулак. – А чуть поверю, что взял тебя и держу крепко, ты раз – и выскользнула.

Джин-Луиза вскинула бровь:

– Мистер Клинтон, вы позволите даме, знающей свет, кое-что вам посоветовать? Никогда не раскрывайте свои карты.

– То есть?

– Ты что – не знаешь, как уловить женщину в свои сети? – Она пригладила воображаемый ежик и насупилась. – Женщине нужно, чтобы ее избранник был

человек властный, уверенный в себе и при этом держался отстраненно, если он, конечно, способен на все это разом. Женщина в его присутствии должна чувствовать себя беспомощной, особенно если сама может горы свернуть и реки вспять обратить – и он это знает. Никогда не выказывай перед ней сомнений и ни в коем случае не признавайся, что не понимаешь ее.

– Ладно, моя милая, отыгралась, – сказал Генри. – Но с твоим последним утверждением я бы поспорил. Всегда думал – женщины любят напускать туману и чтобы их считали такими странными… таинственными.

– Им нравится только казаться такими. А потом, когда перестанет топорщить перышки, каждой женщине в этом мире нужно, чтобы рядом был сильный мужчина, который читал бы в ее душе, как в открытой книге, и был не просто возлюбленный, а – «не дремлет и не спит хранящий Израиля»[12 - Пс. 120:4.]. Глупо, скажи, а?

– Получается, ей нужен не муж, а отец?

– По сути да, – ответила Джин-Луиза. – На этот счет книги не врут.

– Ты ужасно умная сегодня, – сказал Генри. – Где нахваталась?

– В Нью-Йорке, где коснею во грехе, – ответила она. Закурила, глубоко затянулась. – Насмотрелась там на гламурных куколок с Мэдисон-авеню, только-только выскочивших замуж… Знаешь, как они разговаривают? Ужасно забавно, только надо приноровиться – у них там свои ритуальные песни-пляски. А схема повсюду одинакова. Начинается с того, что жены смертельно скучают, потому что мужья так устали от зарабатывания денег, что должного внимания им не уделяют. Когда же они принимаются скандалить, мужья, вместо того чтобы разобраться, в чем дело, ищут, на чьей бы груди выплакаться. Когда это дело им надоедает – нельзя же без конца говорить только о себе, – они возвращаются в лоно. В лоне все по первости цветет и пахнет, потом мужья устают, жены бесятся – и так по кругу. Мужчины в этом возрасте превращают Другую Женщину в кушетку психоаналитика, тем более что оно и дешевле выходит. Гораздо.

Генри вытаращился на нее:

– Откуда столько злости? Что случилось?

Джин-Луиза заморгала:

– Прости. – И раздавила сигарету в пепельнице. – Просто я до ужаса боюсь, что если выйду за неподходящего человека, вляпаюсь во что-то подобное… Ну, мне не подходящего. Я ведь такая же, как все женщины, ошибусь – и он, показав рекордное время, превратит меня в визгливую стерву.

– С чего ты взяла, что выйдешь за неподходящего? Разве тебе неизвестно, что я – домашний тиран, каких поискать? Зверь.

Черная рука протянула подносик со счетом. Джин-Луиза узнала эту руку и подняла глаза:

– Альберт, привет. Каким ты нынче красавчиком… в белой куртке…

– Точно так, мисс Глазастик, – отвечал официант. – Как там житье в Нью-Йорке?

– Замечательно, – сказала она. Интересно, кто еще в Мейкомбе помнит Глазастика Финч, бесшабашную девчонку-сорванца? Да никто, пожалуй, кроме дяди Джека, который порой безжалостно смущал племянницу, потешая честную компанию звеняще напевным перечнем ее детских прегрешений. Завтра утром она увидит его в церкви, а потом придет к нему в гости. Общение с дядюшкой Финчем – одно из главных ее удовольствий в Мейкомбе.

– А вот скажи, чем объяснить, – неторопливо вопросил Генри, – что вторую чашку кофе после ужина ты всегда допиваешь только до половины?

Она с недоумением заглянула в чашку. Любой – даже из уст Генри – намек, что она ведет себя странно, приводил ее в смущение. Подумайте, какой приметливый. И почему это он пятнадцать лет молчал, а теперь решил сказать?

Залезая в машину, она треснулась головой о крышу.

– Ах, чтоб тебя! Почему нельзя сделать повыше?! – И терла лоб, пока муть перед глазами не рассеялась.

– Больно?

– Да ничего. Уже прошло.

Генри мягко прихлопнул за ней дверцу, обошел машину и сел за руль.

– Вот оно, нью-йоркское-то житье, – сказал он. – Разучилась на машинах ездить?

– Разучилась. Интересно, когда их приплюснут к земле? Чтоб не выше фута. В будущем году вообще, наверно, лежа будем ездить.

– И лететь со скоростью снаряда. От Мейкомба до Мобила за три минуты.

– Меня вполне устроил бы старый добрый честный «бьюик». Помнишь их? Сидишь футах в пяти над землей.

– Помнишь, как Джим выпал из машины?

Джин-Луиза рассмеялась:

– Я несколько недель его дразнила: до Баркерова Омута не доехал, из машины выпал, мокрая ку-урица.

В далеком прошлом Аттикус в старом открытом фаэтоне однажды повез Джима, Генри и Джин-Луизу купаться и на какой-то особо зловредной выбоине автомобиль очень сильно тряхнуло, но все обошлось, и он поехал дальше – но уже без Джима. Аттикус безмятежно рулил до места назначения, поскольку Джин-Луиза мало того, что сама не пожелала оповестить отца, что Джима с ними больше нет, но принудила к молчанию и Генри, взяв его палец на излом. На берегу ручья Аттикус обернулся с душевным «Вытряхивайтесь!» – и улыбка примерзла к его губам: «А Джим-то где?» Джин-Луиза отвечала, что, наверно, вот-вот появится. Появившись весь в поту и пыли, задыхаясь после

вынужденного спринта, Джим, не останавливаясь, промчался мимо и в чем был прыгнул в воду. Через секунду вынырнул и со зверским выражением лица прокричал: «А ну лезь сюда, Глазастик! И ты тоже, Хэнк! Поквитаемся!» Они приняли вызов, и хотя Джин-Луиза думала – брат ее сейчас утопит, тот быстро разжал пальцы: на берегу стоял Аттикус.

– Там теперь купаться нельзя, – сказал Генри. – Лесопилку на берегу поставили.

Он подогнал машину к закусочной и посигналил, а когда на звук клаксона вышел паренек, попросил:

– Два набора, Билл.

В Мейкомбе можно пить, а можно не пить. Кто пьет, заходит за гараж, откупоривает и выпивает пинту; кто не пьет, под покровом ночи заказывает в закусочной «набор» на вынос; а о тех, кто до или после обеда, у себя дома или с соседом выпивает стакан-другой, здесь не слыхивали. Так Не Принято. Тот, кто так выпивает, как бы уже не может принадлежать к высшему разряду, а поскольку граждане Мейкомба не желали относить себя ни к какому разряду, кроме высшего, подобного стиля в городе не было.

– Мне совсем чуть-чуть, ладно? – сказала Джин-Луиза. – Воду подкрасить.

– Еще не приучилась? – спросил Генри. Он запустил руку под кресло и извлек коричневую бутылку «Сигрэмз Севен».

– К такому крепкому – пока нет.

Генри подкрасил воду в ее бумажном стаканчике. Себе налил как следует, от души, размешал пальцем и, зажав бутылку между колен, завинтил колпачок. Потом спрятал виски на прежнее место и со словами:

– Поехали, – тронулся с места.

Шорох шин по асфальту навевал дремоту. Тем еще дивно хорош был Генри Клинтон, что с ним можно помолчать, когда хочется. Его не надо развлекать.

Когда на нее нападал такой стих, Генри никогда не теребил ее, не тормошил. Он был приверженцем политики Асквита[13 - Асквит Герберт Генри, граф Оксфорд и Асквит (1852–1928) – премьер-министр Великобритании (1908–1916) от Либеральной партии; в мирный период пребывания на посту выказывал талант решать возникающие проблемы бесконфликтно, в военные годы был склонен к нерешительности.] и знал, что Джин-Луи – за отдает должное его терпению. А вот ей было невдомек, что этой добродетели он научился у ее отца. «Спокойно, сынок, спокойно, – таков был один из немногих советов Аттикуса. – Не торопи ее. Пусть идет в своем ритме. Будешь гнать – с любым мулом легче будет жить, чем с ней».

Люди, которые вместе с Генри Клинтоном учились в юридическом колледже, прошли войну, были молоды, даровиты и лишены чувства юмора. Соперничество было зверское, но Генри с детства привык к работе. С учебой он справлялся, но из университета вынес очень мало такого, что пригодилось бы в адвокатской практике. Прав был Аттикус Финч: лишь тем хорош был университет, что Генри подружился там с людьми, которые позже стали в Алабаме политиками, политиканами, государственными деятелями. Самое отдаленное представление о том, что такое право и с чем его едят, получаешь, когда приходит пора заниматься его практическим применением. Действующий в штате Алабама раздел общего права был по природе своей столь туманен, что Генри пришлось вызубрить учебник наизусть. Желчный человечек, читавший этот курс, был единственным на факультете профессором, которому хватало духу хотя бы пытаться обучать студентов, но его каменная непреклонность наводила на мысль, что и он не в полной мере разбирается в сути своего предмета. «Мистер Клинтон, – сказал он, когда Генри пытался вызнать у него тонкости какого-то особо двусмысленного положения, – вы можете писать хоть до второго пришествия, но учтите: если ваши ответы не совпадут с моими, они неверны. Да, сэр, неверны!» Немудрено, что в самом начале их сотрудничества Аттикус привел Генри в замешательство, сказав однажды: «Кассация – это просто изложить на бумаге все, что желаешь сказать. Не более того». Терпеливо и ненавязчиво он учил Генри всему, что тот и так знал о своем ремесле, но Генри порой спрашивал себя – неужели надо дожить до Аттикусовых лет, чтобы овладеть юриспруденцией? Заплакал обстриженный наголо Том[14 - Уильям Блейк, «Маленький трубочист» (из сб. «Песни невинности»), пер. С. Степанова.]. Зависимое держание? Нет, первое дело о найденном кладе – сколько бы ни было претендентов, право собственности у того, кто нашел, если ее не затребовал истинный владелец. Маленький трубочист нашел брошь[15 - Имеется в виду английский прецедент «Армори против Деламери» (1722): мальчик-трубочист Армори принес ювелиру Деламери для оценки найденную в трубе серебряную

брошь с драгоценными камнями, а ювелир не захотел ее возвращать. Суд постановил, что, поскольку мальчик нашел брошь первым, у него больше прав на нее, чем у всех прочих, за исключением первоначального законного владельца.]. Генри взглянул на Джин-Луизу. Та дремала.

Она принадлежит ему, и это ясно. Принадлежит с тех пор, как швыряла в него камнями, однажды доигралась с порохом до того, что чуть не снесла себе башку, наскакивала сзади, жестко брала в полунельсон и не отпускала, пока не слышала «сдаюсь», а однажды летом заболела и бредила в жару, зовя то его, то Джима, то Дилла, – вот интересно, где он сейчас? Джин-Луиза должна знать, она не теряла с ним связи.

– Слушай, а где сейчас Дилл?

Джин-Луиза открыла глаза:

– Был в Италии, где сейчас – не знаю.

Она поерзала. Чарльз Бейкер Харрис, ее закадычный дружок. Потом зевнула и стала смотреть, как втягивается под капот автомобиля белая линия разметки.

– А мы-то где?

– Нам еще десять миль.

– А уже чувствуется, что река близко, – сказала она.

– Может, ты помесь человека с крокодилом? Я вот ничего не чую.

– Как думаешь, Двупалый Том еще там?

Где река, там и Двупалый Том. Местная нечисть, роет тоннели под Мейкомбом, ворует цыплят; оставляет следы на всем пути от Демополиса до Тенсо. И лет Двупалому Тому столько же, сколько округу Мейкомб.

– Может, увидим его, – сказал Генри.

– С чего ты вдруг вспомнил про Дилла? – спросила Джин-Луиза.

– Сам не знаю. Так, в голову пришло.

– Ты всегда его недолюбливал, а?

Генри улыбнулся:

– Я ревновал. Он был с вами все лето, а мне, как занятия кончатся, надо было возвращаться домой. Дома с кем побесишься?

Джин-Луиза молчала. Время замерло, вздрогнуло и лениво потекло вспять. Туда, где почему-то круглый год лето. Хэнк был далеко, помогал матери, и Джим волей-неволей довольствовался обществом сестры. Дни длинные, Джиму одиннадцать лет, и происходило примерно одно и то же.

С начала мая до конца сентября они ночевали на веранде – там прохладнее всего. Джим, который лежал на своей койке, читая с рассвета, сунул Джин-Луизе под нос футбольный журнал, ткнул пальцем в фотографию и спросил:

– Это кто, Глазастик?

– Джонни Мак Браун[16 - Джон Мак Браун (1904–1974) – американский футболист и киноактер, сыграл в десятках вестернов.]. Будем играть?

Джим потряс журналом:

– А это кто?

– Ты, – сказала она.

– Ладно. Зови Дилла.

В этом не было необходимости. Затрещали капустные кочны в огороде мисс Рейчел, простонала изгородь на задах – и Дилл тут как тут. Он был диковина – из Меридиана, штат Миссисипи, и обладал немалыми познаниями о

мироустройстве. В Мейкомб приезжал на все лето к своей двоюродной бабушке, соседке Финчей. Личность была приземистая, крепенькая, с льняными волосами, с личиком херувима и хитростью горностая. На год старше Джин-Луизы и на голову ниже.

– Привет, – сказал он. – Давайте сегодня в Тарзана играть. Чур, я Тарзан.

– Ты не можешь быть Тарзан, – ответил на это Джим.

– Я буду Джейн, – сказала Джин-Луиза.

– Я не хочу опять обезьяной быть! – возмутился Дилл. – Почему я всегда обезьяна?!

– Может, будешь Джейн? – спросил Джим. Потянулся, надел штаны и сказал: – Играем в Тома Свифта[17 - Том Свифт – главный герой серии приключенческих и научно-фантастических романов, создаваемых группой анонимных авторов под псевдонимом Виктор Эпплтон с 1910 г.]. Я буду Том.

– Я – Нед, – в один голос сказали Дилл и Джин-Луиза, а та еще добавила:

– А вот и нет.

Дилл покраснел:

– Почему ты, Глазастик, вечно меня оттираешь? Может, я тоже хочу…

– А стыкнуться по этому поводу не хочешь? – спросила она вежливо и сжала кулаки.

– Давай ты будешь мистер Деймон, – вмешался Джим. – Он забавный такой, а в конце всех спасает. И все время клянется.

– Клянусь своей страховкой, – сказал Дилл, сунув большие пальцы за воображаемые подтяжки. – Ладно, давай.

– Ну и во что играем? – сказал Джим. – «Его океанский аэропорт» или «Его летательный аппарат»?

– Да ну, надоело, – сказала Джин-Луиза. – Надо новую придумать.

– Ладно. Глазастик, ты – Нед Ньютон. Дилл – ты мистер Деймон. Значит, так: Том сидит у себя в лаборатории и изобретает такую машину, которая видит через кирпичную стену, и тут этот входит и говорит: «Мистер Свифт?» Так, я – Том и, значит, отвечаю: «Чем могу служить, сэр?»

– Не бывает такой машины, чтоб через кирпичную стену видела, – сказал Дилл.

– Эта видит. В общем, этот входит и спрашивает: «Мистер Свифт?»

– Слушай, Джим, – сказала Джин-Луиза. – Тогда нам нужен еще кто-нибудь. Давай я сгоняю за Беннетом?

– Не надо. Этот дядька ненадолго пришел, я и за него буду. Поехали.

Роль посетителя сводилась к тому, что он сообщил юному изобретателю, что тридцать лет назад в Бельгийском Конго пропал знаменитый ученый и как раз пришло время его спасти. К кому же еще обратиться, как не к Тому Свифту и его друзьям, и Том Свифт с жаром согласился пуститься в новое приключение.

Все трое сели в Его Летательный Аппарат, который смастерили из широких досок и давно уже приколотили к самым толстым ветвям персидской сирени.

– Ну и жарища, – сказал Дилл. – Фу-фу-фу.

– Чего? – спросил Джим.

– Я говорю, тут адская жарища, потому что к солнцу ближе. Клянусь своими кальсонами!

– Ерунда какая. Чем выше поднимаешься, тем холодней.

– А я говорю – тем жарче!

– Ничего не жарче, а холодней. Потому что чем выше, тем воздух тоньше. Так, Глазастик, теперь ты говоришь: «Том, куда мы летим?»

– Да мы вроде в Бельгию летим, – сказал Дилл.

– Вы должны спросить: «Куда мы летим?», потому что этот дядька мне сказал, а не вам, а я вам еще не сказал. Поняли?

Они поняли.

Когда Джим объяснил, в чем заключается их миссия, Дилл спросил:

– А откуда они знают, что он еще жив, если уже так давно пропал?

– Дядька этот сказал, они получили сигнал с Золотого Берега, что профессор Уиггинс…

– Если получили сигнал, с чего тогда взяли, что он пропал? – перебила Джин-Луиза.

– …что профессор Уиггинс попал в племя охотников за головами, – не слушая, продолжал Джим. – Нед, у тебя есть винтовка с рентгеновским прицелом? Ты отвечаешь: «Есть».

– Есть, Том, – ответила Джин-Луиза.

– Мистер Деймон, а вы загрузили в Летательный Аппарат достаточно припасов? Мистер Деймон, я к вам обращаюсь!

Замечтавшийся Дилл вернулся к действительности:

– Клянусь моей скалкой! Так точно, сэр! Фу-фу-фу!

Приземлились на три точки на окраине Кейптауна, и тут Джин-Луиза заявила, что так не играет – Джим вот уже десять минут ничего не дает ей сказать.

– Ладно, Глазастик, сейчас скажешь: «Том, нельзя терять времени! Пойдемте в джунгли».

И она сказала.

Обошли задний двор, прорубаясь сквозь заросли, время от времени останавливаясь, чтобы метким выстрелом свалить отбившегося от стада слона или вступить в схватку с племенем каннибалов. Джим шел впереди. Время от времени он кричал: «Ложись!» – и они плюхались на теплый песок. Однажды он спас мистера Деймона из водопада Виктория, а Джин-Луиза стояла рядом и дулась, потому что ей доверили только держать трос, на котором спускался Джим.

Потом он крикнул:

– Мы почти у цели! За мной!

И они ринулись к гаражу, где обитало племя охотников за головами. Джим упал на колени.

– Ты что делаешь? – спросила Джин-Луиза.

– Тс-с… Жертвы приношу.

– На тебя глядеть жутко, – сказал Дилл. – А зачем жертвы?

– Чтоб отвадить дикарей. Вон они! – Джим басовито загудел, как тамтам, пробубнил что-то вроде «буджа-буджа-буджа» – и оживший гараж оказался полон туземцев.

Дилл тошнотворно закатил глаза, весь одеревенел и рухнул наземь.

– Мистер Деймон ранен! – вскричал Джим.

Они вытащили застывшего как бревно Дилла на солнце. Набрали фиговых листьев и выложили на него рядком, от макушки до пяток.

– Думаешь, поможет, Том? – спросила она.

– Надеюсь. Пока не знаю. Мистер Деймон, мистер Деймон, очнитесь! – и дал Диллу легкого тумака.

Тот поднялся, отряхиваясь.

– Ну, хватит, Джим Финч! – и снова распростерся на земле, раскинув руки и ноги. – Не хочу больше тут торчать. Жарко.

Джим с таинственным видом, словно священнодействуя, поводил ладонями у него над головой и сказал:

– Смотри, Нед. Очухался.

Веки Дилла дрогнули, глаза открылись. Он поднялся и побрел через двор, бормоча: «Где я? Где я?..»

– Да здесь, здесь, у нас, – сказала она, встревожившись.

Джим глянул на нее сердито:

– Да ничего не здесь! Ты должна сказать: «Мистер Деймон, вы потерялись в Бельгийском Конго под воздействием магических заклинаний. Я Нед, а это Том».

– А мы тоже потерялись? – спросил Дилл.

– Пока вы были под колдовскими чарами – да, а теперь уже нет, – отвечал Джим. – Профессор Уиггинс томится в плену у дикарей вон в той хижине, и мы должны его освободить…

Судя по всему, профессор Уиггинс так и остался в плену. Чары рассеяла Кэлпурния, которая высунулась из задней двери и крикнула:

– Эй, лимонада не хотите? Сейчас пол-одиннадцатого. Попейте-ка, а то заживо сваритесь в таком-то пекле.

Три стакана и кувшин с лимонадом Кэлпурния не вынесла им, а поставила за дверью, на задней веранде с таким расчетом, чтобы дети побыли в тени хоть пять минут. Лимонад по утрам летом – это было уж так заведено. Они выпили по три стакана и обнаружили, что последние часы утра истекают и надо их чем-то заполнить.

– Может, сходим на Доббсов луг? – предложил Дилл.

Желающих не нашлось.

– Может, змея запустим? – сказала Джин-Луиза. – Попросим у Кэлпурнии муки…

– Кто это змея летом запускает? – сказал Джим. – Сама же видишь – ни ветерка.

Термометр на задней веранде показывал девяносто два градуса[18 - По Фаренгейту; ок. 33 °С.], в знойном мареве подрагивал в отдалении гараж, и ни единого листочка не шевелилось на двух гигантских сиренях.

– Во, я придумал! – сказал Дилл. – Давайте устроим молитвенное собрание!

Все трое переглянулись. Это было дельное предложение.

Когда наступали самые знойные дни, в Мейкомбе устраивали хотя бы одно молитвенное собрание религиозных возрожденцев. Обычно приходские священники всех трех имевшихся в городе церквей – методистской, баптистской и пресвитерианской – в складчину приглашали заезжего проповедника, а если не могли договориться, кого именно позвать или сколько ему заплатить, каждая община устраивала собственное действо, куда приглашали всех желающих, и в итоге граждан побуждали к духовному возрождению три недели кряду. На это время объявлялась война – воевали с грехом, с кока-колой, с кинематографом, с охотой по воскресеньям; воевали с нарастающей тягой девушек краситься и курить на людях, воевали с употреблением виски – так что в сезон не менее пятидесяти детей выходили к алтарю и клялись, что пить, курить и ругаться будут лишь по достижении двадцать одного года; воевали с чем-то еще таким

туманным, что Джин-Луиза никак не могла уразуметь, о чем речь, кроме того, что клясться было не в чем; воевали между собой городские дамы за право лучше всех угостить евангелиста. Местные пастыри тоже целую неделю получали бесплатный стол, отчего злые языки позволяли себе непочтительные намеки: мол, те нарочно делают так, чтобы службы в церквях шли раздельно, и получают таким образом вознаграждение еще за две недельки. Разумеется, это был поклеп.

В ту неделю Джим, Дилл и Джин-Луиза три вечера сидели на отведенных детям местах в баптистской церкви (как раз настал черед баптистам) и слушали преподобного Джеймса Эдварда Морхеда, знаменитого проповедника из Северной Джорджии. Так им, по крайней мере, сказали – сами-то они мало что понимали из его речей, кроме описаний ада. Ад, насколько поняла Джин-Луиза, был и навсегда пребудет огненным озером размером как раз с Мейкомб, штат Алабама, обнесенным кирпичной стеной в двести футов высоты. Сатана подхватывает грешников на вилы и швыряет за ограду, и они там веки вечные кипят в бульоне из жидкой серы.

Преподобный Морхед был длинный унылый человек, имевший привычку сутулиться и давать своим проповедям неожиданные заглавия. («Заговоришь ли ты с Иисусом, если повстречаешь его на улице?». Преподобный Морхед сильно сомневался, что тебе удастся, даже если придет охота, потому что Иисус скорей всего говорил по-арамейски.) На второй день проповедь называлась «Возмездие за грех». В это самое время в местном кинотеатре шел одноименный фильм (дети до 16-ти не допускались): Мейкомб решил, что о фильме речь и пойдет, и послушать пастора собрались все от мала до велика. Ожидания паствы были жестоко обмануты. Морхед три четверти часа занимался грамматической казуистикой (как правильней сказать: «возмездие за грех – смерть» или «возмездие за грехи – смерть» и что имеется в виду в том и в ином случае), причем увел рассуждения о различии понятий на такую глубину, что и Аттикус Финч затруднился бы сказать, куда преподобный клонит и к чему сам склоняется.

Джим, Дилл и Джин-Луиза померли бы с тоски, если бы у преподобного Морхеда не было единственного в своем роде дара, просто завораживающего детвору. Он, когда говорил, присвистывал. Между передними зубами (Дилл божился, что они вставные, а просто выглядят как свои) у него была расщелина, благодаря которой из уст исходил убийственно отчетливый свист каждый раз, как он произносил слово хотя бы с одним «с». «Закоснеть», «Иисус», «Христос»,

«страдание», «по рассуждению человеческому» постоянно слышались в каждой проповеди, и усердие, с которым троица внимала им, вознаграждалось двояко: во-первых, ни один пастор не мог обойтись без этих слов, по меньшей мере семь раз за вечер гарантировавших слушателям беззвучные корчи тайного наслаждения; во-вторых, благодаря своему пристальному вниманию Джим, Дилл и Джин-Луиза считались самыми воспитанными детьми во всей общине.

На третий день религиозного возрождения, когда они и еще несколько детей вышли и во всеуслышание признали Господа Иисуса своим личным Спасителем, все трое стояли, уставившись в пол, потому что преподобный Морхед складывал руки у них над головой и дошел до: «…с-совет не-чес-стивых и не с-стоит на пути грешных». Дилла от хохота скорчило так, что проповедник попросил Джима: «Выведи мальчугана на свежий воздух. Его обуял восторг».

А теперь Джим сказал:

– Знаешь чего? Пошли к тебе во двор, к пруду.

Дилл сказал, что в самый раз, а амвон они смастерят из ящиков.

Двор Финчей от двора мисс Рейчел отделяла подъездная гравийная дорожка. А в боковом дворе мисс Рейчел был пруд, окруженный кустами азалии, кустами роз, кустами камелий, кустами гардений. В пруду, в тени, среди широколистых кувшинок, водились старые жирные серебряные караси и сколько-то лягушек и тритонов. Большое фиговое дерево с раскидистой ядовитой листвой нависало над изрядным куском двора, и там всегда было прохладнее. Мисс Рейчел расставила вокруг кое-какую садовую мебель, а под фиговым деревом стояли козлы.

В коптильне у мисс Рейчел они нашли два порожних ящика и соорудили перед прудом алтарь. Дилл занял место за ним.

– Я буду мистер Морхед, – сказал он.

– Нет, я! – сказал Джим. – Я старше.

Ладно, – сказал Дилл.

– А вы с Глазастиком будете прихожане.

– Нам будет нечего делать, – ответила Джин-Луиза. – Больно надо сидеть тут целый час и слушать тебя, Джим Финч.

– Вы можете пожертвования собирать. И петь хором.

Прихожане притащили два садовых стула и уселись лицом к алтарю.

– Ну, давайте, пойте чего-нибудь, – сказал Джим.

Джин-Луиза и Дилл запели:

О, Благодать, глас нежный твой

От скверны мне спасенье:

Заблудшего вернул домой,

Слепцу послал прозренье. А-минь.

Джим обхватил руками амвон, подался вперед и сказал проникновенно:

– Как же приятно видеть вас всех здесь нынче утром. Это в самом деле доброе утро.

– А-минь, – отозвался Дилл.

– Разве не хочется вам, братья и сестры, в такое утро настежь распахнуть сердца навстречу Господу и спеть? – вопросил Джим.

– Й-еще бы, сэр, – ответил Дилл, который из-за крепкого сложения и малого роста всегда играл характерные роли, и превратился в хор:

В час, когда труба Господня вострубит,

и над землей

День Предвечного зажжет зарю свою,

И на Божью перекличку призовут

спасенных строй,

Буду я стоять в том праведном строю.

Пастор и паства подхватили. Распевая, Джин-Луиза слышала издалека зов Кэлпурнии. Она отмахнулась, чтобы этот комариный писк не лез в уши.

Побагровевший от усилий Дилл заполнил первый ряд.

Джим нацепил на нос воображаемое пенсне, откашлялся и сказал:

– Братья и сестры, «Восклицайте Господу, вся земля; торжествуйте, веселитесь и пойте». – Потом пенсне сдернул и, протирая его, повторил басовито: – «Восклицайте Господу, вся земля; торжествуйте, веселитесь и пойте».

– Пора собирать пожертвования, – сказал Дилл, и пришлось отдать ему два пятицентовика, лежавшие у нее в кармане.

– Только потом вернешь.

– Тихо вы! – шикнул на них Джим. – Теперь проповедь.

И прочел такую долгую, такую скучную проповедь, какой Джин-Луиза в жизни своей не слышала. Он говорил, что ничего нет на свете греховнее греха, и что никто из согрешивших не достигнет преуспеяния, и что блажен муж, который сидит в собрании развратителей[19 - Пс. 1:1.], короче говоря, повторил на свой лад все, что слышал за последние три дня. Голос его то уходил в самые низы, то взвивался до визга, а сам он так махал руками, словно земля разверзалась перед ним и он искал опоры.

– Где Сатана? – вопросил он и указал прямо на прихожан. – Здесь, в Мейкомбе, штат Алабама.

Потом завел было речи о преисподней, но Джин-Луиза сказала:

– Хорош, Джим, кончай, – потому что живописаний преподобного Морхеда хватит ей по гроб жизни. Тогда Джим на ходу сменил тему и заговорил о небесах: на небесах полно бананов (Дилл их обожал) и тушенной со сливками картошки (ее любимой), и когда они умрут, все отправятся туда есть всякие вкусности до самого Страшного Суда, но вот после Страшного Суда Господь, который со дня их рождения записывает в книге все, что они сделали, отправит всех троих в ад.

Закругляя службу, Джим сказал: мол, кто хочет соединиться с Господом, шаг вперед. Она шагнула.

Джим положил ладонь ей на темя и осведомился:

– Девушка, ты раскаиваешься?

– Да, сэр, – ответила она.

– А была ли ты крещена?

– Нет, сэр.

– Тогда… – Джим сунул руку в черную воду пруда и смочил Джин-Луизе голову. – Крещу тебя…

– Эй, минуточку! – крикнул Дилл. – Так не по правилам.

– По правилам, по правилам, – сказал на это Джим. – Мы с Глазастиком методисты.

– Мало ли что! Мы-то играем в баптистскую службу. Надо Глазастика окунуть в купель. Я, наверно, тоже окрещусь. – Дилл увлекся, воображая предстоящую церемонию, и отказываться от такой роли ни за что не хотел. – Я баптист! – твердил он. – Я баптист, мне положено принять крещение в баптистерии.

– Знаешь что, Дилл-крокодил?! – сказала она с угрозой. – Я целое утро так сидела, ничего не делала. А ты пел гимн, ты собирал пожертвования, и прихожане в первом ряду тоже ты был. Так нечестно! Дай мне!

Она стиснула кулаки, отвела левую руку и покрепче уперлась ногами.

Дилл слегка попятился.

– Кончай, Глазастик.

– Она права, Дилл, – сказал Джим. – А ты зато будешь мой помощник. – Потом перевел взгляд на нее: – Глазастик, ты лучше разденься, а то все промокнет.

Джин-Луиза стянула комбинезон – единственное, что на ней было.

– Смотрите не утопите меня, – сказала она. – И не забудьте мне нос зажать.

Она встала на бетонную закраину. Вынырнул престарелый карасик, глянул злобно и снова скрылся в темной воде.

– А глубоко тут? – спросила Джин-Луиза.

– Фута два всего, – ответил Джим и повернулся к Диллу за подтверждением. Но тот уже во весь дух несся к дому мисс Рейчел.

– Он чего, спятил, что ли? – спросила Джин-Луиза.

– Не знаю. Давай подождем, может, вернется.

Джим предложил отогнать всю живность на другой конец пруда, чтобы Джин-Луиза ненароком не задавила кого-нибудь, и они наклонились над водой, как вдруг позади раздалось угрожающее «У-у-у-у!».

– У-у-у-у! – провыл Дилл из-под двуспальной простыни, в которой он прорезал дырки для глаз. Потом вскинул руки над головой и подскочил к Джин-Луизе: – Ну чего? Готова? Шевелись, Джим, а то жарко мне.

– Вот неймется человеку, – сказал Джим. – А ты кто будешь?

– Я буду Святой Дух, – скромно сказал Дилл.

Джим взял ее за руку и завел в пруд. Вода оказалась теплая, какая-то осклизлая, а дно – скользкое.

– Один раз только окунешь, – сказала Джин-Луиза.

Джим стоял на бортике. Окутанная белым полотнищем фигура тоже приблизилась вплотную, молотя руками воздух. Джим опрокинул Джин-Луизу и пихнул вниз. Уже из-под воды она услышала, как Джим говорит нараспев:

– Джин-Луиза Финч, крещу тебя во имя…

Бац!

Розга в руке мисс Рейчел безошибочно нашла у Святого Духа слабое место – его мягкое место. Путь назад Диллу был отрезан, и потому он живо скакнул вперед и присоединился к Джин-Луизе. Мисс Рейчел безжалостно хлестала по взбаламученной ряске на воде, где мелькали листья кувшинок, простыня, руки и ноги.

– Вылезай сию минуту! – пронзительно вопила мисс Рейчел. – Я покажу тебе, Чарльз Бейкер Харрис, Духа Святого! Я научу тебя кромсать мое лучшее постельное белье! Дырки в нем резать! Господне имя всуе поминать! Вылезай из воды, кому сказано?!

– Ну хватит, тетя Рейчел, – пробулькал Дилл из-под воды. – Я больше не буду!

Его попытки высвободиться, сохранив достоинство, едва ли увенчались успехом: из воды на закраину вылезло какое-то мелкое морское чудище, облепленное простыней и зеленой тиной, обвитое гирляндами водорослей. Дилл замотал головой, силясь их стряхнуть, и мисс Рейчел отпрянула от тучи брызг.

За ним следом выбралась Джин-Луиза. Она наглоталась воды, и потому в носу ужасно щипало, а дышать было больно.

Мисс Рейчел племянника больше не тронула, но свистнула в воздухе прутом, прибавив:

– Марш домой!

Брат и сестра смотрели им вслед, покуда те не скрылись за дверью дома. Жалко Дилла, что тут скажешь?

– Пошли, – сказал Джим. – Время уж небось к обеду.

Они развернулись к дому и на дорожке увидели Аттикуса.

Рядом с ним стояла какая-то незнакомая дама и преподобный Джеймс Эдвард Морхед. И стояли они, похоже, уже довольно давно.

Аттикус, на ходу снимая пиджак, пошел навстречу. Горло у Джин-Луизы перехватило, коленки затряслись. Лишь когда он накинул пиджак ей на плечи, она сообразила, что предстала пастору в чем мать родила. Кинулась было бежать, но Аттикус поймал ее за загривок и сказал:

– Иди к Кэлпурнии. С черного хода.

Кэлпурния поставила ее в ванну и принялась зверски отскребать от ила, бормоча:

– Утром мистер Финч позвонил, сказал, к обеду преподобный с женой будут. Я вас обыскалась, звала-звала чуть не до посинения. Почему не отзывались?

– Не слышали, – соврала она.

– Ну, вот и выбирай, старуха, – то ли пирог печь, то ли за детьми рыскать по всей округе. Либо то, либо это. И не совестно вам? Этак вы отца вконец уморите.

Джин-Луизе показалось, что костлявый палец сейчас проткнет ей ухо насквозь.

– Больно, – сказала она.

– Если он из вас обоих дурь не выбьет, я этим займусь, – посулила Кэлпурния. – Вылазь живо.

Едва не содрав кожу, Кэлпурния растерла ее грубым полотенцем, потом велела поднять руки над головой. Всунула ее в жестко накрахмаленное розовое платьице, потом, двумя пальцами крепко держа за подбородок, продрала волосы острыми зубьями гребешка. Швырнула к ногам пару лакированных туфель:

– Обувай давай.

– Я застегивать не умею, – сказала она.

Кэлпурния грохнула крышкой унитаза и посадила Джин-Луизу. Та смотрела, как большие корявые пальцы принялись за деликатное дело – просовывать перламутровые пуговки в тугие, слишком маленькие петельки – и восхищалась тем, какая мощь в этих руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12488159&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Героиня путает произведения трех разных авторов: стихотворение «Песня реки Чаттахучи» (Song of Chattahoochie, 1877) американского поэта и музыканта Сидни Клоптона Ланира (1842–1881) со вступлением к «Песням невинности» (Songs of Innocence, 1789) английского поэта Уильяма Блейка (1757–1827), а стихотворение «К водоплавающим» (To a Waterfowl, 1818) американского журналиста и поэта-романтика Уильяма Каллена Брайанта (1794–1878) – с ранним рассказом Ланира «Три водопада» (Three Waterfalls, 1867). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Алджернон Чарлз Суинберн (1837–1909) – английский викторианский поэт.

3

Альберт Швейцер (1875–1965) – выдающийся гуманист, богослов, врач, музыкант и музыковед; защитил диссертацию по философии, изучал теорию музыки и играл на фортепиано и органе, а затем в 1905 г. решил посвятить жизнь медицине и поступил на медицинский факультет.

4

Элджер Хисс (1904–1996) – американский дипломат, сотрудник Госдепартамента, один из создателей ООН, в 1948 г. обвиненный в шпионаже в пользу СССР. Его дважды судили и в 1950 г. приговорили к 5 годам тюремного заключения по обвинению в даче ложных показаний. Через две недели после

оглашения приговора с диатрибой против коммунистов в Госдепе выступил сенатор Джозеф Маккарти, с чего и началась его краткая, но блистательная карьера охотника за коммунистами. Впоследствии были преданы гласности советские, американские и другие документы, более или менее прямо намекавшие на виновность Хисса, однако Хисс до конца жизни отрицал свою причастность к шпионажу Книгу «Странное дело Элджера Хисса» (The Strange Case of Alger Hiss, 1953) написал Уильям Аллен Джоитт (1885–1957), британский юрист и политик-лейборист.

5

Свой первый исторический роман «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» (Waverley; or Tis Sixty Years Since, 1814) Вальтер Скотт (1771–1832) опубликовал анонимно; в последующих его произведениях на исторические темы (1815–1831) указывалось, что они написаны автором «Уэверли».

6

Очевидно, речь идет о деле Розы Паркс, чернокожей жительницы Монтгомери, которая 1 декабря 1955 г. была задержана и затем оштрафована за отказ уступить место в автобусе белому пассажиру, как от нее требовалось по местному закону Это привело к бойкоту негритянской общиной городского транспорта.

7

Очевидно, имеется в виду дело об убийстве двумя белыми чернокожего подростка Эмметта Тилла в штате Миссисипи; в сентябре 1955 г. обвиняемых Роя Брайанта и Дж. У. Майлама оправдали, несмотря на веские доказательства в пользу их вины.

8

Джордж Эдвард Пикетт (1825–1875) – генерал армии Конфедерации. 3 июля 1863 г. при Геттисберге по приказу генерала Роберта Э. Ли и вопреки неутешительным прогнозам атаковал наиболее укрепленные центральные позиции северян – атака окончилась провалом, из 15 тысяч южане потеряли 6,5 тысяч убитыми, ранеными и пленными.

9

Имеется в виду Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (National Association for the Advancement of Colored People, NAACP, с 1909), проводившая активную кампанию против расовой сегрегации, в результате чего в 1954 г. Верховный суд США объявил сегрегацию незаконной, а в 1964 г. Конгресс принял закон о гражданских правах.

10

В силу самого факта (лат.).

11

Реплика Судьи из комической оперы «Суд присяжных» (Trial by Jury 1875) У. Ш. Гилберта и Артура Салливана, пер. Ю. Димитрина.

12

Пс. 120:4.

13

Асквит Герберт Генри, граф Оксфорд и Асквит (1852–1928) – премьер-министр Великобритании (1908–1916) от Либеральной партии; в мирный период пребывания на посту выказывал талант решать возникающие проблемы бесконфликтно, в военные годы был склонен к нерешительности.

14

Уильям Блейк, «Маленький трубочист» (из сб. «Песни невинности»), пер. С. Степанова.

15

Имеется в виду английский прецедент «Армори против Деламери» (1722): мальчик-трубочист Армори принес ювелиру Деламери для оценки найденную в трубе серебряную брошь с драгоценными камнями, а ювелир не захотел ее возвращать. Суд постановил, что, поскольку мальчик нашел брошь первым, у него больше прав на нее, чем у всех прочих, за исключением первоначального законного владельца.

16

Джон Мак Браун (1904–1974) – американский футболист и киноактер, сыграл в десятках вестернов.

17

Том Свифт – главный герой серии приключенческих и научно-фантастических романов, создаваемых группой анонимных авторов под псевдонимом Виктор Эпплтон с 1910 г.

18

По Фаренгейту; ок. 33 °C.

19

Пс. 1:1.

Купить: https://tellnovel.com/harper-li/poydi-postav-storozha-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити